

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)

А. Т. Боннер

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ
ТОМ V**

Александр Боннер

**Избранные труды: в 7 т.
Т. V. Проблемы теории
судебных доказательств**

«Издательство Проспект»

2023

УДК 347.91/.95
ББК 67.410

Боннер А. Т.

Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств / А. Т. Боннер — «Издательство Проспект», 2023

ISBN 978-5-39-224477-5

В том V «Избранных трудов» профессора А. Т. Боннера включены работы, посвященные проблемам теории судебных доказательств. Прежде всего, это монография «Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе» (М., 2012). Автор обращает внимание на то, что модернизация судопроизводства невозможна без внедрения в него передовых информационных технологий. Одним из направлений этой деятельности является легализация недостаточно либо вообще не регламентированных законом, но фактически применяемых на практике новых источников информации об обстоятельствах гражданских и арбитражных дел. В работе анализируются не только давно известные процессуальному законодательству средства доказывания (объяснения юридически заинтересованных в исходе дела лиц, показания свидетелей, письменные, вещественные доказательства и заключения экспертов), но и нетрадиционные средства доказывания в виде аудио- и видеозаписей. Значительное место в монографии уделено средствам установления обстоятельств судебных дел с не вполне определенным или неопределенным статусом — заключению специалиста, электронному документу, информации, полученной из Интернета, показаниям специальных технических средств. Книга насыщена разнообразной судебной практикой, легко и с интересом читается. В том включен и ряд статей автора, посвященных использованию доказательств в гражданском процессе.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410

ISBN 978-5-39-224477-5

© Боннер А. Т., 2023

© Издательство Проспект, 2023

Содержание

Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе.[1]	7
Введение	7
Часть I. Традиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе	11
Глава 1. Судебное доказывание как способ установления действительных обстоятельств гражданских и арбитражных дел	11
Глава 2. Объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц. Признание	25
Глава 3. Показания свидетелей	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Боннер

Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств

© Боннер А. Т., 2017

© ООО «Проспект», 2017

* * *

Автор:

Боннер А. Т. – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе.¹

Введение

Имеющую значение для дела информацию суд получает из определенных источников, именуемых доказательствами или средствами доказывания. Советское и российское процессуальное законодательство исходило и исходит из необходимости закрепления закрытых перечней средств доказывания. Так, глава ХУ ГПК РСФСР 1923 г. «Отдельные виды доказательств» прямо называла только три допустимых по закону источника информации. Это – свидетельские показания (ст. 128–139), письменные доказательства (ст. 140–151) и заключения экспертов (ст. 152–159 ГПК). Кроме того, из смысла ст. 160–152 этого Кодекса вытекало, что относимая к делу информация могла быть получена судом также путем исследования вещественных доказательств.

В ст. 105 ГПК 1923 г. упоминались объяснения сторон, но их процессуальная сущность определена не была.

Более логичным и последовательным являлся перечень средств доказывания, предусмотренный ч. 2 ст. 49 ГПК РСФСР 1964 г. Там называлось уже пять допустимых в тот период средств доказывания – объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства и заключения экспертов.

По существу аналогичным являлся перечень средств доказывания, предусмотренный АПК РФ 1992 г. и 1995 г.

Среди актуальных задач современного этапа развития российского гражданского судопроизводства важное место занимают повышение его доступности и эффективности. В связи с этим серьезное значение приобретают внедрение в судопроизводстве передовых информационных и коммуникационных технологий.

Несмотря на то, что содержание процессуальных кодификаций в течение нескольких десятилетий почти не менялось, новые источники информации постепенно начинали проникать в залы судебных заседаний. В частности, по делам о защите чести и достоинства суды относительно часто просматривали видеозаписи телепередач и прослушивали аудиозаписи радиопередач, если порочащие истца сведения были распространены в соответствующей теле- или радиопередаче.

Ныне действующие АПК РФ и ГПК РФ 2002 г. дополнили перечень допустимых по закону средств доказывания аудио- и видеозаписями. Названные источники информации с этого времени стали в полной мере легитимными. В самом общем виде был определен и процессуальный порядок их использования.

В соответствии со ст. 55 ГПК РФ имеющие значения для дела сведения о фактах могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов. Другими словами, предусмотренный ГПК перечень источников информации является исчерпывающим, т. е. закрытым.

На первый взгляд, от содержащегося в ГПК перечня источников информации существенно отличаются положения АПК. На основании ст. 64 АПК в качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в

¹ Книга издана в 2012 г. в издательстве «Проспект».

деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы.

В то же время ч. 2 ст. 89 данного Кодекса уточняет, что иные документы и материалы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном настоящим Кодексом.

В процессуальной литературе новеллы АПК, предусматривающие возможность использования для установления обстоятельств арбитражных дел иных документов и материалов, были расценены в качестве отказа этого Кодекса от закрытого перечня источников информации. Так, И. В. Решетникова писала:

«Новый АПК ... привел неисчерпывающий перечень видов доказательств»².

С И. В. Решетниковой согласен и В. В. Молчанов: «По существу в законе содержится открытый перечень источников информации, которые могут использоваться в процессе доказывания при рассмотрении дел в арбитражных судах»³.

Вряд ли со столь оптимистическими утверждениями можно в полной мере согласиться. Думается, что АПК сделал только полшага на пути к открытому перечню процессуальных источников информации. Дело в том, что в качестве средств доказывания в арбитражном процессе могут использоваться только те носители информации, которые получены, истребованы или представлены в порядке, установленном этим Кодексом. Между тем АПК в самом общем виде регламентирует лишь порядок воспроизведения судом аудио- и видеозаписей (ч. 2 ст. 162 Кодекса). О других же современных источниках информации в нем речи не идет. Само собой разумеется, что если в АПК не предусмотрен порядок получения, истребования или представления каких – то новых источников информации, то и реальное их использование оказывается затруднительным, а то и невозможным.

Таким образом, несмотря на некоторые разночтения формулировок ГПК и АПК, по существу оба Кодекса по – прежнему оперируют закрытыми перечнями средств доказывания. В то же время в условиях неуклонного развития науки и техники, появления и самого широкого распространения новых способов фиксации, передачи и воспроизведения информации подобный консерватизм вряд ли оправдан. Позиция законодателя представляется достаточно странной еще и потому, что фактически в судебной практике используются и некоторые иные, прямо не предусмотренные законом средства – источники информации (электронный документ, информация, полученная из Интернета, показания специальных технических средств и некоторые др.)

Между тем в процессуальной литературе уже давно ставился вопрос о том, что постоянное развитие науки и техники, расширение возможности использования специальных познаний в судопроизводстве, все более широкое внедрение технических средств в быт людей делают необходимым соответствующее дополнение процессуального законодательства⁴. Например, в жизни все более широкое применение находит использование электронных документов. Электронные документы обладают существенной спецификой. Эта специфика не

² Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации. Под ред. В. В. Яркова. М., 2003. С.235.

³ Арбитражный процесс. Под ред. М. К. Треушникова. М., 2011. С. 223.

⁴ Так, еще свыше двадцати лет тому назад автор этих строк предлагал следующим образом сформулировать норму, соответствующую нынешнему правилу, содержащемуся в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ 2002 г.: «Эти данные устанавливаются объяснениями сторон и третьих лиц, показаниями свидетелей, письменными доказательствами, вещественными доказательствами, заключениями специалистов и экспертов, машинными документами (по нынешней терминологии – электронными доказательствами – А.Б.), фотографиями, кинолентами, магнитными и видеозаписями, а также и иными источниками, полученными с помощью научно-технических средств» (см.: Боннер А. Т. Правило допустимости доказательств в гражданском процессе: необходимость или анахронизм? // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 31).

вполне учитывается законодательством и судебной практикой, которые в большинстве случаев склонны рассматривать их в качестве хотя и своеобразных, но письменных доказательств.

По отдельным гражданским и арбитражным делам электронные документы превращаются в главные, а порой по существу единственные доказательства, исследование и правильная оценка которых позволяет установить действительные обстоятельства дела.

Думается, что вряд ли можно электронные документы автоматически приравнивать к традиционным письменным, а иные современные источники информации – к вещественным доказательствам.

Необходимо подчеркнуть, что электронный документ является далеко не единственным «процессуальным подкидышем». Развитие научно-технического прогресса, проникновение его в производственные, а также бытовые отношения людей «вбрасывает» в залы судебных заседаний такого рода не предусмотренные процессуальным законом средства доказывания. Среди иных новых источников информации, которые де-факто уже существуют в судебной практике, необходимо назвать показания специальных технических средств, а также информацию, полученную из Интернета.

На сегодняшний день о первом из числа названных источников информации в рамках действующего законодательства говорится лишь в ч. 1 ст. 26.2. Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП). Под специальными техническими средствами здесь понимаются измерительные приборы, утвержденные в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую проверку.

По существу ничего не говорится о возможности использования показаний специальных технических средств в качестве средства установления обстоятельств гражданских и арбитражных дел и в юридической литературе. Между тем анализ судебной и судебно-арбитражной практики показывает, что данный источник информации порой имеет весьма существенное значение.

Так, при рассмотрении гражданских дел о возмещении вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу и др., возможны ссылки на показания приборов, определяющих скорость транспортных средств либо степень алкогольного опьянения водителя. В современную практику работы органов ГИБДД широко внедряются системы приборов, автоматически фиксирующих превышение скорости участниками дорожного движения, а также иные нарушения Правил дорожного движения⁵.

Показания приборов, содержащиеся в так называемых «черных ящиках», имеют весьма важное значение при расследовании авиационных катастроф и, соответственно, при рассмотрении гражданских дел о возмещении вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу пассажиров самолетов и иных граждан. Постепенно «черными ящиками» будут оснащаться и иные транспортные средства, в том числе автомобили. В зарубежной судебной практике уже появились отдельные судебные постановления, основанные главным образом на показаниях «черного ящика» автомобиля⁶.

В настоящее время в промышленном производстве, а также в быту с помощью показаний приборов определяют расход электроэнергии, воды, газа, потребление тепла, процент содержания спирта или жира в соответствующих напитках или продуктах. При разрешении определенных категорий гражданских и арбитражных дел соответствующим образом зафиксированные показания приборов рассматриваются в качестве допустимого и очень важного, а порой по сути решающего доказательства по делу.

⁵ Пятилетова Любовь. Пробки возьмут в кольцо. Как столичные власти решают транспортную проблему // Российская газета. 2006. 11 дек; Борисов Тимофей. Водители попали в камеру. Алкотест с памятью и электронный контроль за парковкой – новинки для ГАИ // Российская газета. 2011. 16 марта.

⁶ Салмин Владимир. «Черные ящики» на автомобилях ставили еще 50 лет назад // Известия. 2004 г. 28 апреля.

При рассмотрении судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел о взыскании платы за услуги телефонной связи, по предоставлению тепла, электроэнергии и т. д. ответчик порой категорически отрицает факт предоставления ему такого рода услуг либо предъявленный к оплате их размер. В такого рода случаях к материалам дела приобщаются, а судом исследуются и оцениваются соответствующие производные письменные и вещественные доказательства, основанные на показаниях приборов, зафиксировавших как факт предоставления, так и объем предоставленных потребителям услуг.

Автор настоящей работы предусмотренные процессуальным законодательством, а также фактически используемые в судебной практике источники информации условно разбивает на три группы. В первом разделе исследования речь идет о давно известных процессуальному законодательству источниках информации. Это – объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, а также заключения экспертов. Перечисленные источники информации давно уже стали традиционными средствами доказывания в гражданском и арбитражном процессе.

Второй раздел работы посвящен сравнительно новым для гражданского и арбитражного процессуального права или нетрадиционным источникам информации. К их числу автор относит ставшие не так давно легитимными аудио- и видеозаписи.

В третьем разделе книги речь идет об источниках информации, процессуальный статус которых законодательно не вполне определен или не определен совсем. Речь идет о консультациях, показаниях и заключениях специалистов, электронных документах, информации, полученной из Интернета, показаниях специальных технических средств, заключениях государственных органов и органов местного самоуправления. Здесь же излагается вопрос речь о доказательственном значении поведения сторон в гражданском и арбитражном процессе.

Специфике каждого из перечисленных и реально используемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами источников информации и особенностях порядка их представления, собирания и исследования посвящены соответствующие разделы настоящей работы.

Часть I. Традиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе

Глава 1. Судебное доказывание как способ установления действительных обстоятельств гражданских и арбитражных дел

Понятие судебного доказывания и судебных доказательств

Рассмотрение и разрешение гражданских и арбитражных дел невозможно без сложной и многогранной деятельности лиц, участвующих в деле, и суда по представлению, собиранию, исследованию и оценке доказательств. Итогом этой деятельности должно стать и, как правило, является верное знание суда о фрагментах действительности, имеющих юридическое значение по обстоятельствам конкретного дела. Нормы, посвященные разным этапам доказательственной деятельности, занимают важное место в процессуальном законодательстве.

В то же время в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве не существует норм, определяющих понятие судебного доказывания. Законодатель не согласился с предложением отдельных ученых, полагавших необходимым нормативно закрепить данное понятие⁷. Поскольку это понятие до сих пор является дискуссионным, то оно может быть предметом лишь научных дефиниций.

Судебное доказывание представляет собой сложную логико-правовую деятельность, субъектами которой выступают суд, лица, участвующие в деле, и их представители. Эта деятельность направлена на достижение судом верного знания о фактических обстоятельствах возникновения, изменения и прекращения правоотношений, ставших предметом судебного разбирательства. Она осуществляется в процессуальной форме путем утверждения лиц, участвующих в деле, о фактах, указания на доказательства, представления их суду, оказания судом содействия в собирании доказательств, тщательного исследования доказательств судом при активном сотрудничестве с лицами, участвующими в деле, и правильной их оценке.

Исходя из положений ст. 55 ГПК РФ и ст. 64 АПК РФ, доказательствами прежде всего являются сведения или информация о фактах. Эти сведения должны быть получены в предусмотренном законом порядке связаны и быть связанными с обстоятельствами, составляющими предмет доказывания.

Теоретическим и практическим проблемам судебного доказывания и судебных доказательств в русской дореволюционной, советской и современной российской процессуальной науке посвящено значительное количество интересных исследований. Существенный вклад в изучение этой интереснейшей проблематики, в частности, внесли М. Г. Авдюков, В. Д. Арсеньев, С. Ф. Афанасьев, С. А. Барашков, О. В. Баулин, Л. А. Ванеева, Е. В. Васьковский, Ю. С. Гамбаров, А. Х. Гольмстен, П. П. Гуреев, М. А. Гурвич, А. Г. Давтян, В. М. Жуйков, И. М. Зайцев, О. В. Иванов, А. Ф. Клейнман, А. С. Козлов, К. И. Комиссаров, Т. А. Лилуашвили, К. И. Малышев, В. В. Молчанов, С. В. Никитин, Ю. К. Орлов, Ю. К. Осипов, В. К. Пучинский, Л. Н. Ракитина, Г. М. Резник, И. М. Резниченко, И. В. Решетникова, Т. В. Сахнова, Л. П. Смышляев, М. С. Строгович, М. К. Треушников, А. И. Трусов, Д. Н. Чечот,

⁷ См.: Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. Теоретические начала и основные институты. М., 2008. С. 350–351.

М. С. Юдельсон, Т. М. Яблочков, В. В. Ярков. Исследованием проблем теории судебных доказательств в ряде своих работ занимался и автор этих строк.

Отдавая дань творческим усилиям в развитии теории судебных доказательств вышеназванных, а также и ряда других ученых, хотелось бы особо подчеркнуть вклад в исследование данной сложнейшей проблемы С. В. Курылева. Названный автор, в сущности, заложил основы современной теории судебных доказательств. Его защищенная в 1953 г. и изданная в 1956 г. в виде монографии кандидатская диссертация формально была посвящена исключительно объяснениям сторон как доказательству в гражданском процессе. На самом же деле в указанной работе С. В. Курылев заложил основы современной теории судебных доказательств. Конспективно суть этой теории сводится к следующему.

Необходимые для разрешения конкретного дела факты, за редчайшим исключением, находятся в прошлом. Недоступные для непосредственного познания факты суд устанавливает опосредствованным путем, при помощи доказательств. Объективную возможность для опосредствованного познания фактов дает закон всеобщей, универсальной связи явлений природы и общества. Доказательством прежде всего и является известный факт, связанный с неизвестным. Поэтому известный факт может быть использован для познания неизвестного путем раскрытия связей между этими фактами. Сущность доказательства, по С. В. Курылеву, заключается в его связи с подлежащим установлению фактом. В то же время неверно было бы сводить связь доказательства с искомым фактом только к причинной связи, поскольку между явлениями природы и общества существуют и иные разнообразные формы связи.

Но одного признака связи для определения судебного доказательства недостаточно. Закон определенным образом регламентирует порядок получения доказательств и указывает допустимые их источники. Существенное нарушение правил получения доказательств лишает последние значения судебных доказательств. *Судебным доказательством следует считать факт, полученный из предусмотренных законом источников и предусмотренным законом способом, находящийся с искомым в судебном процессе фактом в определенной связи, благодаря которой он может служить средством установления объективной истинности искомого факта*⁸ (выделено нами. – А. Б.).

Далее С. В. Курылев указывал: «До судебного разбирательства связь доказательства с искомым фактом носит предположительный характер, вследствие чего судебное доказательство в процессе его исследования и оценки проходит своего рода процессуальную эволюцию, которая может окончиться одним из трех результатов: 1) установлением наличия связи искомого факта с фактом, представленным в качестве доказательства, который в связи с этим может быть положен в основу решения как доказательство, 2) установлением отсутствия связи у доказательства с искомым фактом, в связи с чем факт, представленный в качестве доказательства, должен быть отвергнут в качестве такового, 3) установлением невозможности сделать достоверный вывод о наличии или отсутствии связи доказательства с искомым фактом. В этом случае доказательство должно быть признано недостаточным.

<...> Связь доказательства с искомым фактом может быть предельно близкой, выражающейся в одном звене, и более отдаленной, состоящей из многих звеньев.

Совокупность явлений, через которые проходит связь доказательства с искомым фактом, будет составлять процесс формирования доказательства.

Процесс формирования доказательства является категорией, которая для предотвращения ошибок в установлении истины должна быть обязательным предметом исследования и оценки наряду с источником доказательства и самим доказательством. В связи с этим необхо-

⁸ Курылев С. В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1956. С. 5–6.

димо знать особенности формирования различных видов доказательств, в частности личных и вещественных»⁹.

При классификации доказательств на личные и вещественные особое место занимают такие доказательства, как заключения экспертов, факты опознания, результаты судебного эксперимента. «Эти доказательства могут быть получены минимум из двух источников: личного (например, эксперт) и вещественного (например, материалы, подвергнутые экспертному исследованию), в связи с чем их можно было бы назвать смешанными доказательствами»¹⁰.

Другими словами, уже в своей первой крупной научной работе исследователь намечает решение важнейших проблем теории судебных доказательств. Пока еще в конспективной форме здесь содержится основанный на положениях диалектической философии ответ на ряд принципиальных вопросов теории и практики процесса. Что представляют собой судебное доказывание и судебные доказательства? Каким образом следует классифицировать доказательства?

Несколько позднее С. В. Курылев подготовил две большие по объему, а главное, блистательные по форме и содержанию статьи, которые навсегда вошли в золотой фонд литературы по гражданскому процессу. Первая из них называлась «Доказывание и его место в процессе судебного познания (в аспекте гражданско-процессуального права)»¹¹. Вторая же большая статья, а по сути, монографическое исследование, имеет наименование «Сущность судебных доказательств»¹².

В чем же заключалось новаторство ученого? С. В. Курылев, пожалуй, единственный из советских процессуалистов, который к исследованию сложных правовых явлений не на словах, а на деле применил положения диалектической философии, а также иных общественных дисциплин, в частности логики.

До исследований С. В. Курылева в процессуальной науке была полнейшая путаница в определении понятия доказывания. Доказывание судебное или процессуальное смешивали с доказыванием логическим или мыслительной деятельностью, происходящей в головах судей. Ученый по-настоящему глубоко разобрался в этой сложнейшей проблеме. Доказывание, по С. В. Курылеву, это прежде всего совокупность определенных процессуальных действий. Он подчеркивал: «Процесс установления истины... состоит из двух существенно отличных друг от друга по характеру и юридическим последствиям родов деятельности: 1) процессуального доказывания и 2) оценки доказательств. При этом оценка доказательств не *следует* за доказыванием, а *пронизывает* доказывание. Это две различного рода деятельности, подчиняющиеся качественно различным законам и осуществляемые различными субъектами процессуального права.

Оценку доказательств... закон предоставляет внутреннему убеждению судей. Оценка доказательств как мыслительный процесс, происходящий в головах у судей, подчиняется объективно существующим и не зависимым от воли людей законам: общим законам мышления, правилам логики.

Представление же и исследование доказательств подчиняются законам юридическим, процессуальным, законам, которые создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу.

Понятия логического доказательства и процессуального доказывания, взаимосвязанные и взаимообуславливающие друг друга, но регулируемые различными по характеру законами и изучаемые различными науками, лежат в различных плоскостях.

⁹ Там же. С. 6–7.

¹⁰ Там же. С. 7, прим. 2.

¹¹ Труды Иркутского государственного университета. Т. XIII. Сер. юридическая. Иркутское книжное издательство, 1955. С. 37–67.

¹² Там же. Т. XVII. Сер. юридическая. Вып. 2. Иркутск, 1956. С. 38–114.

Оценка доказательств – самостоятельная процессуальная категория, находящаяся *вне границ понятия процессуального доказывания*»¹³.

С. В. Курьлев дал необычайно глубокое и, с точки зрения автора этих строк, единственно правильное определение судебного доказывания. Ученый писал: «Раз мир – единое целое, раз все предметы, явления в мире связаны друг с другом, то и наш объект познания (предмет, явление) связан определенным образом с другими предметами, явлениями, которые, в свою очередь, связаны с иными предметами, явлениями и т. д. В силу универсальной зависимости и обусловленности всякое изменение в нашем предмете, явлении будет, с одной стороны, являться результатом определенных причин (изменения обуславливающих явлений, развития самого предмета, явления), во-вторых, оно определенным образом отразится на всех связанных с ним, зависимых от него и обуславливаемых им явлениях, произведя в них также определенные изменения; изменения последних вызовут, в свою очередь, изменения в иных связанных с ними явлениях и т. д. до бесконечности.

Поэтому, если мы знаем существующие в природе связи, то, пользуясь знанием связей, мы можем познавать неизвестные явления природы при помощи известных нам явлений. Знание связей означает знание того, какие изменения должны происходить в одних явлениях при определенном изменении в связанных с первыми других явлениях. <...>

Известные явления, при помощи которых суд, основываясь на знании объективных связей явлений, познает неизвестные, и служат средствами установления объективной истинности наличия или отсутствия искомых фактов, т. е. *доказательствами*.

...Взаимосвязь, взаимообусловленность предметов и явлений как один из наиболее общих законов объективной действительности и является той основой, которая дает возможность осуществлять опосредствованное познание неизвестных и недоступных для восприятия фактов при помощи связанных с ними известных фактов-доказательств.

Наличие связи факта-доказательства с искомым фактом и является первым и главным существенным признаком доказательства, признаком, благодаря которому доказательство и может служить средством установления неизвестных фактов»¹⁴.

Правда, позднейшие исследователи нередко критиковали и критикуют С. В. Курьева за то, что данное им определение доказательств якобы страдает «односторонностью и неполнотой, так как автор не учитывал того обстоятельства, что факты без процессуальных средств доказывания не могут быть вовлечены в процесс»¹⁵. Вряд ли с последним утверждением нужно спорить. Действительно, без процессуальных средств доказывания факты в процесс вовлечены быть не могут. В то же время думается, что те, кто критиковал и критикует ученого, не дочитали его работы до конца или не вполне разобрались в его взглядах на понятие судебного доказательства.

Под судебным доказательством С. В. Курьлев понимал «*факт, полученный из предусмотренных законом источников* (выделено нами. – А. Б.) и предусмотренным законом способом, находящийся в определенной связи с искомым фактом, благодаря которому он может служить средством установления объективной истинности искомого факта»¹⁶. Неразрывная связь доказательственного факта, т. е. интересующей суд информации, с помощью которой устанавливаются действительные обстоятельства дела, с источником этой информации, по существу, подчеркивается уже в самом названии диссертации и монографии «Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе».

¹³ Курьлев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания. С. 61.

¹⁴ Курьлев С. В. Сущность судебных доказательств // Труды Иркутского государственного университета. Т. XIII. Иркутск, 1956. С. 40–41.

¹⁵ См., напр.: Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М.: МГУ, 1967. С. 51; Треушников М. К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2016. С. 92–93 и др.

¹⁶ Курьлев С. В. Указ. соч. Т. XVII. С. 73.

В процессуальной литературе порой незаслуженно критикуется и предлагавшееся С. В. Курылевым понятие судебного доказывания как способа опосредованного познания обстоятельств дела. Так, проф. М. К. Треушников со ссылкой на работу С. В. Курылева «Основы теории доказывания в советском правосудии» призывал критически оценивать взгляды С. В. Курылева, который якобы трактовал судебное доказывание «в отрыве от логической основы лишь как практическую деятельность, как “внешне объективированные процессуальные действия по представлению и получению необходимых данных для установления истины”»¹⁷.

Т. В. Сахнова упрекает ученого в том, что он якобы «ограничивал познание логической деятельностью, а доказывание – деятельностью процессуальной»¹⁸.

В то же время М. К. Треушников определяет судебное доказывание как «*логико-практическую деятельность лиц, участвующих в деле, а также в определенной мере и суда, направленную на достижение верного знания о фактических обстоятельствах возникновения, изменения и прекращения правоотношений, осуществляемую в процессуальной форме путем утверждения лиц, участвующих в деле, о фактах, имеющих правовое значение, указания на доказательства, представления их суду, оказания судом содействия лицам, участвующим в деле, в собирании доказательств, исследования доказательств и оценки*»¹⁹.

Сходным образом Т. В. Сахнова полагает, что судебное доказывание представляет собой «единство логической и процессуальной деятельности»²⁰.

Справедливы ли в данном случае адресованные С. В. Курылеву упреки проф. Т. В. Сахновой и проф. М. К. Треушникова? По предложению маститых исследователей обращаемся к монографии С. В. Курылева и обнаруживаем там следующее. Критикуемый автор писал: «Наука логика изучает доказательство как вид умозаключения. Между тем учение о доказательственном праве как часть науки процессуального права изучает не формы и законы мышления, а законы процесса, процессуальное право. Включать в предмет изучения этой науки законы мышления было бы излишне, так как этим уже занимается другая наука – логика. Это было бы и неверно, ибо каждая наука должна иметь свой точно определенный предмет.

...Смешивать... законы мышления, которые являются независимыми от воли людей, с законами юридическими, создаваемыми людьми, нельзя. Таким образом, если законы мышления, законы логического доказательства могут быть открыты, познаны человеком, но не могут быть им созданы или преобразованы, то процессуальные законы доказательственного права создаются господствующим классом... и выражают его волю. Процессуальное доказывание зависит от доказательственного права и определяется им.

Оно совершается в таких формах и такими способами, какими предписывает доказательственное право.

Законы логического доказательства не могут быть предметом правового регулирования. <...>

Не случайно поэтому, что нормы... доказательственного права не перечисляют правил, по которым происходит логическое доказательство, оно содержит лишь общее указание о том, что суд должен поступать сообразно с законами логического доказательства. <...> Изучение же этих законов осуществляется не правовыми науками, а логикой.

...Итак, процессуальное право устанавливает правила, обеспечивающие возможность применения законов логического доказательства, обеспечивающие получение судом необходимого и доброкачественного материала, достаточного для установления истины. Процессу-

¹⁷ Треушников М. К. Указ. соч. С. 64.

¹⁸ Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 344.

¹⁹ Треушников М. К. Указ. соч. С. 47.

²⁰ Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 350.

альная деятельность участников процесса по доказыванию не может, следовательно, не только игнорировать правила логического доказательства, но вынуждена из них исходить и исходит в действительности»²¹.

Далее С. В. Курьлев следующим образом формулировал свои мысли: «Всякое процессуальное действие, входящее в состав доказывания, процессуальное действие любого участника процесса всегда соотносено тем или иным образом с логическим доказательством. Сторона просит допросить свидетеля по исследуемым обстоятельствам дела не по наитию свыше, а по соображениям логического доказательства: если свидетель подтвердит определенный факт, то из этого будет следовать такой-то вывод. По этим же соображениям поступает и суд, делая вывод на основании сообщенных свидетелем фактов о наличии других фактов. **Требования логического доказательства пронизывают весь процесс доказывания**. Но, несмотря на тесную связь между процессуальным доказыванием и логическим доказательством, наука доказательственного права не включает в основной предмет своего изучения доказательство в логическом смысле. Не может быть включен и умственный процесс по установлению искомых фактов в состав деятельности, называемой доказыванием.

Доказывание – это прежде всего совокупность определенных процессуальных действий. Последние являются предметом процессуальных прав и обязанностей. Предметом процессуальных прав и обязанностей вообще не может быть чья бы то ни была мыслительная деятельность, им могут быть лишь внешне объективированные действия.

А поэтому задача доказательственного права состоит не в том, чтобы давать какие-либо предписания или запреты мыслительной деятельности судей, а лишь в том, чтобы, исходя из знания законов мышления, исходя из правильного понимания процесса формирования судебного убеждения, облегчить это формирование, создать ему наиболее благоприятные условия. Это достигается путем обоснованного регулирования процессуальных действий по доказыванию.

В связи с этим процессуальным доказыванием как определенной совокупностью процессуальных действий могут быть названы не «мыслительные действия» по установлению истины, а лишь внешне объективированные процессуальные действия по представлению и получению необходимых данных для установления истины. Следовательно, процесс установления истины не синоним процессуального доказывания. Он складывается из существенно отличных друг от друга как по характеру, так и по юридическим последствиям: 1) процессуального доказывания и 2) оценки доказательств. При этом **оценка доказательств не следует за доказыванием в качестве какого-то этапа познания, а пронизывает его** (здесь и выше выделено нами. – А. Б.). Это две различного рода деятельности, подчиняющиеся качественно различным законам и осуществляемые различными субъектами процессуального права.

Оценку доказательств... закон предоставляет внутреннему убеждению судей. Она как мыслительный процесс, происходящий в сознании судей, подчиняется объективно существующим и независимым от воли людей законам мышления, правилам логики.

Представление же и исследование доказательств подчиняются юридическим законам, которые создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу.

Понятия логического доказательства и процессуального доказывания взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, но регулируются различными по характеру законами. Они изучаются различными науками и лежат в разных плоскостях.

Оценка доказательств – самостоятельная процессуальная категория, находящаяся вне границ понятия судебного доказывания»²².

²¹ Курьлев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 26–28.

²² Курьлев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. С. 28–29.

Спрашивается, можно ли из приведенных рассуждений С. В. Курылева сделать вывод о том, что он «ограничивал познание логической деятельностью, а доказывание – деятельностью процессуальной»? Разумеется, нет. Напротив, как со всей очевидностью вытекает из приведенных выше обширных цитат из его работы, ученый писал о взаимной связи процессуальной и логической деятельности в сложном процессе установления обстоятельств конкретных дел, деятельности, в которой **доказывание логическое пронизывает доказывание процессуальное**.

Трудно переоценить вклад С. В. Курылева и в исследование сущности прямых и косвенных доказательств. До того как он занялся изучением данной проблемы, разница между прямыми и косвенными доказательствами определялась в литературе достаточно примитивно. По существу, она сводилась к тавтологии: прямые доказательства прямо устанавливают искомый факт, а косвенные устанавливают искомый факт косвенно.

На самом же деле разница между прямыми и косвенными доказательствами заключается в различии однозначных и многозначных связей между явлениями природы и общества. «*Однозначная* связь, – писал ученый, – это такая связь явления (причины, условия или следствия), которая проистекает только в единственно возможном направлении. Например, отсечение головы человека (причина) влечет необходимо лишь *одно* следствие – смерть человека. Или – беременность как следствие может быть результатом лишь *единственно* возможной причины – зачатия.

Многозначная связь – наоборот, это такая связь явления (причины, условия или следствия), которая может проистекать в различных направлениях. Например, смерть человека как следствие может быть результатом *разных* причин. Удар по голове как причина в зависимости от ряда обстоятельств может влечь разные следствия: либо смерть, либо сотрясение мозга, либо иное тяжкое или легкое телесное повреждение.

Многозначная и однозначная связи существуют *объективно*. Они существенно отличаются друг от друга. Их разграничение и анализ и дают нам... возможность правильно решить вопрос о сущности косвенных доказательств, их отличия от прямых доказательств, дает необходимую теоретическую базу для разработки методики исследования и оценки косвенных доказательств.

...Объективной основой, на которой зиждется существование прямых и косвенных доказательств, которая дает теоретический критерий для их разграничения и оправдывает саму необходимость такого разграничения, является существование в объективной действительности многозначных и однозначных связей.

Прямое доказательство – это такой известный факт, который в силу его однозначной связи с неизвестным фактом дает возможность сделать лишь *один* вывод о неизвестном факте – о наличии его или отсутствии; *косвенное* доказательство – это, наоборот, факт, дающий в силу многозначности его связей возможность для *различных вероятных* выводов. Поэтому заключение от него к искомому факту носит не характер единственной возможности, а лишь характер большей или меньшей вероятности.

Отсюда и следует вывод об отмечаемой в литературе характерной черте косвенного доказательства – *недостаточности* его одного без других доказательств для установления искомого факта.

Для установления искомого факта при помощи косвенных доказательств многозначность их связей должна быть сведена к единственной связи с искомым фактом путем исключения наличия связей косвенного доказательства со всеми иными фактами, кроме искомого; и лишь полное исключение всех возможных связей, кроме единственной, гарантирует установление истины при помощи косвенных доказательств.

Такое исключение осуществляется путем привлечения иных доказательств, необходимый минимум которых определяется в зависимости от характера связей данного конкретного

случая»²³. В настоящее время точка зрения С. В. Курылева на природу различий между прямыми и косвенными доказательствами, по существу, является общепризнанной²⁴.

О проблеме непосредственного познания судом фактов, входящих в предмет доказывания

В юридической литературе в свое время был поставлен следующий вопрос. Распространенная в науке точка зрения о том, что суд в состоянии выяснить действительные обстоятельства дела единственным способом – путем судебного доказывания²⁵, является не вполне точной. В некоторых случаях суд в состоянии познавать обстоятельства дела и без доказывания – путем их непосредственного познания.

По данному поводу крупнейший представитель российской дореволюционной науки гражданского процессуального права проф. Е. В. Васьковский в свое время отмечал следующее. По его мнению, суд может убедиться в истинности заявлений и утверждений сторон двояким способом: 1) посредством личного восприятия фактов, на которые ссылаются стороны, своими органами чувств (зрением, слухом, осязанием и т. д.) и 2) путем исследований доказательств, способных подтвердить соответствующий факт. Первый путь – прямой и непосредственный. Суд лично удостоверяется в состоянии и свойствах предметов, с которыми связаны утверждения сторон. «Если, например, истец утверждает, что ответчик запахал его участок, продал ему горькое вино или тухлую рыбу, то суд, чтобы проверить справедливость этих заявлений, досматривает спорный участок и его границы, пробует вино, нюхает рыбу. Этот способ удостоверения в истинности заявлений сторон принято называть личным осмотром... ввиду того, что в большинстве случаев суд воспринимает факты, на которые ссылаются стороны, при помощи зрения. Но так как суду приходится пользоваться с этой целью и другими органами чувств, то правильнее было бы употребить вместо термина “личный осмотр” термин “личное восприятие”»²⁶.

В советской юридической литературе вопрос о возможности познания судом обстоятельств дела не только с помощью доказывания, но в соответствующих случаях и путем непосредственного, чувственного восприятия дополнительно был разработан С. В. Курылевым. По мнению автора, непосредственная форма судебного познания применяется в тех случаях, когда воспринимаемый судом объект сам является объектом познания. С. В. Курылев считал, что существует целая группа фактов, которые, возникнув до процесса и вне процесса, продолжают существовать и во время процесса. Порой именно с их наличием в момент разбирательства дела закон связывает определенные юридические последствия. «Особенность, характеризующая эти факты, – подчеркивал ученый, – заключается в их длящемся состоянии, в связи с чем их можно назвать “фактами-состояниями”». В качестве примеров фактов-состояний, которые могут быть непосредственно, без помощи доказательств, познаны судом, С. В. Курылев называл размер земельного участка, способность вещи к делимости без потери ее хозяйственного назначения, характер изолированности спорной комнаты, ее положение, как проходной или смежной с проходной, состояние дома или определенный дефект вещи и т. д.

Автор указывал, что в отдельных, сравнительно редких случаях предметом непосредственного восприятия суда могут явиться не только факты-состояния, но и факты-события, факты-действия. К их числу могут относиться смерть стороны, последовавшая в ходе судеб-

²³ Курылев С. В. Сущность судебных доказательств. С. 50–52.

²⁴ См., напр.: Треушников М. К. Указ. соч. С. 121; Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2008. С. 664–666.

²⁵ См., напр.: Советский гражданский процесс / под ред. А. А. Добровольского. М., 1979. С. 127; Гражданский процесс / под ред. М. С. Шакарян. М., 1993. С. 173; Треушников М. К. Указ. соч. С. 10 и др.

²⁶ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 237.

ного заседания, возвращение ответчиком долга истцу в судебном заседании и некоторые другие. С. В. Курылев указывал, что убедительность результатов непосредственного познания больше, чем познания опосредованного²⁷.

Автор полагал, что вопрос о формах судебного познания имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В обоснование данной точки зрения он приводил следующее соображение. Если доказывание является единственной формой судебного познания, то в тех случаях, когда суду почему-либо приходится воспринять нечто непосредственно, в частности лжесвидетельство, отказ свидетеля от дачи показаний, то суд не вправе разрешать вопрос об ответственности этих лиц, руководствуясь своим непосредственным познанием. Этот вопрос должен решаться в другом процессе.

Приведенные С. В. Курылевым ситуации «непосредственного судебного познания», как и все остальные примеры такого рода, представляются не вполне удачными в силу следующего. Вряд ли суд может непосредственно воспринимать факт заведомого лжесвидетельства. В типичной ситуации вывод о правдивости показаний свидетеля либо лжесвидетельстве может быть сделан судом лишь после исследования и оценки судом всей совокупности исследованных по делу доказательств. Анализ судебной практики показывает, что в судебных постановлениях никогда не употребляются термины «лжесвидетельство», «ложные показания». Сталкиваясь со случаями заведомого лжесвидетельства, которые, к сожалению, не являются такой уж редкостью, суд обычно характеризует их в качестве недостоверных, надуманных, противоречащих другим исследованным по делу доказательствам и т. п.

Что же касается отказа от дачи свидетелями показаний, то такая ситуация в судебной практике, конечно же, встречается, но, как правило, в завуалированной форме. Достаточно часто потенциальный свидетель отказывается сотрудничать с соответствующим лицом, участвующим в деле, и отказывается фигурировать в судебном заседании в качестве свидетеля. О допросе таких свидетелей участники процесса обычно ходатайств не заявляют. Относительно распространенными бывают и ситуации, когда, получив судебную повестку, свидетель под разными предлогами или вовсе без какой-либо мотивировки своего поведения в судебное заседание не является. Что же касается прямого отказа свидетеля от дачи показаний в судебном заседании, то такого рода ситуация крайне маловероятна.

И наконец, по действующему законодательству вопрос об ответственности за лжесвидетельство и отказ от дачи свидетелем показаний, разумеется, решается в другом процессе. Нелишне также констатировать, что в современной практике по уголовным делам случаев привлечения к уголовной ответственности по ст. 307–308 УК РФ практически не встречается.

Что же касается иных приводившихся С. В. Курылевым ситуаций, а именно уклонения стороны от явки в суд для личных объяснений, непредставления необходимых для разрешения дела и заведомо у нее находящихся доказательств, неоспаривания утверждений противника, отказа от объяснений по обстоятельствам дела, то они в судебной практике действительно встречаются. Однако можно ли их квалифицировать в качестве непосредственного познания судом фактов? Такого рода поведение стороны может объясняться самыми разными обстоятельствами. Самое же главное заключается в том, что указанные действия или бездействие напрямую не связаны с фактами, входящими в предмет доказывания. Речь идет не о непосредственном восприятии судом юридических фактов, но лишь об определенном поведении сторон, которое, впрочем, может иметь известное доказательственное или процессуальное значение.

В обоснование тезиса о возможности непосредственного познания судом определенных фактов С. В. Курылев приводил следующий случай из судебной практики прошлых лет. В производстве суда Загорского района Московской области в свое время находилось дело по

²⁷ См.: Курылев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания. С. 38–54.

иску Осипова к квартирантке Кратировой о взыскании расходов по отоплению общей печи. По утверждению истца, отопление печи в течение трех лет производил он один. Не признавая иска, Кратирова объяснила, что истец отопления за свой счет не производил. Более того, в последнюю перед обращением в суд зиму он с целью вынудить ее к выселению вовсе не отапливал общей печи, оборудовав в своей комнате железную печь для отопления только своего помещения.

Доказывать этот факт (как отопления, так и неотопления), писал С. В. Курьлев, путем свидетельских показаний было довольно затруднительно. Свидетели, на которых сослалась Кратирова, могли лишь подтвердить некоторые обстоятельства: во время их посещения в комнате у Кратировой было холодно, ответчица продолжительное время болела. Осипов объяснил, что печь не была топлена 2–3 дня в связи с теплой погодой. Суд при осмотре на месте установил следующие факты: наличие в комнате Кратировой «специфического запаха сырости», наличие в комнате Осипова железной печи.

Анализируя данный случай из судебной практики, ученый полагал, что в изложенной ситуации «суд непосредственно воспринял различные факты-состояния, в том числе такой важный факт, как “специфический запах сырости”. В передаче свидетеля указанный факт в значительной мере утратил бы свое доказательственное значение как в отношении его убедительности, так и с точки зрения проверки достоверности. Другой важный для установления истины факт, обнаруженный при осмотре, – наличие в комнате Осипова железной печи – мог не только потерять доказательственное значение, но и вообще мог исчезнуть для дела, если бы суд решил проверить данный факт не осмотром на месте, а иным путем, например истребованием справки от органов пожарного надзора, дав таким образом истцу возможность убрать печь. И дело могло быть разрешено неверно»²⁸.

Заканчивая изложение вопроса о непосредственном познании судом обстоятельств дела, С. В. Курьлев формулировал следующие выводы:

«При судебном разбирательстве возможны и допустимы две формы познания фактов: познание опосредствованное (при помощи доказательств) и познание непосредственное (при помощи чувственного восприятия этих фактов).

...Непосредственное познание применимо в отношении фактов, не требующих для их познания специальных знаний и доступных для непосредственного чувственного восприятия. Такими фактами является большинство фактов-состояний, ими могут быть действия и события.

...Непосредственное познание, осуществляемое в процессуальных формах, не противоречит принципам процессуального права. Оно допускает возможность проверки его правильности, а также содействует убедительности судебных постановлений. В случаях, когда заинтересованное лицо может помешать суду раскрыть истину, непосредственное познание при помощи осмотра на месте в силу оперативности данного процессуального действия может служить действенной гарантией установления истины»²⁹.

В процессуальной литературе положения, высказанные Е. В. Васьковским и развитые С. В. Курьлевым, нашли поддержку ряда авторов. Так, Ю. К. Осипов предлагал включить в ГПК РФ указание о том, что фактические данные должны быть установлены предусмотренными процессуальным законом средствами, кроме случаев, когда соответствующие данные могут быть получены путем непосредственного их восприятия судьями в ходе судебного разбирательства³⁰. В. В. Ярков, поддерживая точку зрения о процессуальном познании как опосре-

²⁸ Курьлев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. С. 22.

²⁹ Курьлев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. С. 26.

³⁰ См.: Осипов Ю. К. О допустимости доказательств в советском гражданском процессе: материалы теоретической конференции, посвященной 50-летию советской власти. Свердловск, 1966. С. 323–324.

дованном познании, обращал внимание на то, что процессуальные юридические факты устанавливаются судом непосредственно, поэтому здесь нет потребности в доказывании³¹.

По мнению А. А. Власова, исходя из практики рассмотрения гражданских дел, сформулированный С. В. Курyleвым перечень фактов, которые могут быть познаны судом без доказывания, можно было бы продолжить. Например, сюда можно было бы отнести ряд фактов-состояний, имеющих порой решающее значение по жилищным делам. В частности, к ним относятся размер, планировка и состояние жилых и подсобных помещений в квартире, наличие или отсутствие в ней современных коммунальных удобств (ванны, туалета), уровень естественного освещения или шума, наличие или отсутствие сырости, наличие или отсутствие запорных приспособлений в квартире или комнатах и их характер. На определенные факты-состояния суд порой ссылается при разрешении брачно-семейных споров, например дел о лишении родительских прав и о передаче детей на воспитание. Так, довольно типичны ссылки на то, что «жилая площадь находится в антисанитарном состоянии», «квартира находится в антисанитарном состоянии», а ребенок «неухоженный», «в квартире грязь, дети не имеют постельного белья, у них нет места для занятий»³². Однако если обратиться к реальной судебной практике, то все перечисленные А. А. Власовым так называемые факты-состояния суд познает исключительно опосредованным путем. Соответствующую информацию суд чаще всего получает из актов обследования, прилагаемых к заключениям органов образования, а также из показаний свидетелей.

В обоснование точки зрения о том, что порой встречаются случаи, когда познание тех или иных обстоятельств дела с помощью доказательств является затруднительным или невозможным, А. А. Власов приводит и отдельные случаи из судебной практики.

Так, в одном из московских судов рассматривалось дело по иску Гришаевой к Ратовой о признании договора обмена жилыми помещениями недействительным. Предоставленная Гришаевой в порядке обмена квартиры каких-либо недостатков сама по себе не имела. Однако дом, в котором она находилась, был расположен в непосредственной близости от автобусного парка, производственная деятельность которого была связана с сильным шумом в вечернее время и мешала отдыху жильцов. Суд попытался установить интересующие его факты путем непосредственного восприятия. Однако осмотр квартиры был произведен в дневное время, когда вокруг дома и в квартире была тишина. Исходя из этого, суд пришел к выводу, что квартира дефектов не имеет, находится в хорошем состоянии, а претензии Гришаевой неосновательны, в связи с чем ее иск был отклонен. Кассационная инстанция решение суда оставила без изменения. Позднее состоявшиеся по делу судебные постановления были пересмотрены в порядке надзора. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР, которым состоявшиеся по делу постановления были отменены, а дело передано на новое рассмотрение в суд первой инстанции, в частности, указывалось, что «недостатком жилой площади является не только качество жилой площади, но и те условия, в которых она находится». При новом судебном разбирательстве иск Гришаевой был удовлетворен. При этом проверить условия, в которых находилась квартира, целесообразнее всего было путем непосредственного восприятия их судом для получения ответа на вопрос о том, в какой степени производственная деятельность автопарка мешала отдыху жильцов.

Сходные обстоятельства имели место по следующему делу. П-ва обратилась в Таганский межмуниципальный суд г. Москвы с иском к П-ву о принудительном обмене жилой площади. Возражая против варианта обмена, ответчик, в частности, ссылался на то, что под окнами дома, в котором расположена предлагаемая ему квартира, проходит железная дорога. Оспаривая дан-

³¹ См.: Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 73–74.

³² См.: Власов А. А. Вещественные доказательства в гражданском процессе. М., 1999. С. 29–30.

ное утверждение ответчика, истцы поясняли, что железная дорога находится на расстоянии 15 минут ходьбы от дома. Обстоятельство, о котором идет речь, по существу, имело решающее значение для правильного разрешения спора. Поэтому суду следовало путем выхода на место установить, на каком расстоянии от дома, в котором в случае удовлетворения иска должен проживать П-в, проходит железная дорога и каким образом это может сказаться на условиях проживания в квартире. Однако суд этого не сделал, ограничившись указанием в решении со слов ответчика П-ва, что предлагаемая ему по варианту обмена квартира находится вблизи железной дороги. Результаты разрешения дела могли бы быть иными, если бы суд путем выхода на место и непосредственного восприятия сам бы определил, на каком расстоянии от дома находится железная дорога и сопровождается ли соседство с ней каким-либо вредным шумовым фоном³³.

Приводя вышеуказанные случаи из опубликованной судебной практики, А. А. Власов предлагал в ГПК РФ закрепить возможность установления судом отдельных обстоятельств гражданских дел без доказывания, путем их непосредственного чувственного восприятия.

Точка зрения о возможности непосредственного познания судом обстоятельств дела является оригинальной и на первый взгляд достаточно убедительной. Однако вряд ли подобные рассуждения должны служить поводом для внесения соответствующих изменений в ГПК РФ. Прежде всего ситуаций такого рода очень немного. Кроме того, в рамках гражданского судопроизводства все подобные случаи будут трансформированы в предусмотренные законом письменные доказательства – протоколы совершения соответствующих процессуальных действий (ст. 58, 66, ч. 1 ст. 71, 75, 81, 184 ГПК РФ).

Многие из числа приводимых в литературе примеров непосредственного восприятия судом обстоятельств дела далеко не бесспорны. В частности, для определения способности вещи к делимости без потери ее хозяйственного назначения вряд ли всегда необходимо эту вещь осмотреть. Размер земельного участка либо характер изолированности спорной комнаты, ее положение, как проходной или смежной с проходной, как правило, устанавливаются судом путем исследования соответствующих письменных доказательств. Состояние дома или определенный дефект вещи суд может познать непосредственным путем. Однако и дом, и соответствующая вещь, с точки зрения установления обстоятельств гражданского дела, будут являться не более чем вещественными доказательствами и будут осмотрены и исследованы судом по правилам исследования вещественных доказательств.

Редчайший случай смерти стороны, последовавшей в ходе судебного заседания, суд действительно может наблюдать непосредственным путем. Однако в материалах дела этот прискорбный юридический факт будет зафиксирован отнюдь не в форме процессуального документа, отражающего результаты непосредственного восприятия указанного события судом. (Имеются в виду судебное определение, специально составленный по этому поводу протокол, запись в протоколе судебного заседания и т. п.) К материалам дела, конечно же, необходимо будет приобщить копию свидетельства о смерти соответствующего лица.

Сходным образом факт возвращения в судебном заседании ответчиком долга истцу найдет отражение не в протоколе судебного заседания, а в заявлении истца об отказе от иска. То же самое касается познания судом процессуальных фактов. Все эти факты находят свое отражение в процессуальных или иных документах, например документах, исходящих от почтового ведомства.

Нет какой-либо специфики и в ситуациях, о которых в свое время писал проф. Е. В. Васильковский. Разумеется, при желании суд может осмотреть запаханный ответчиком участок и лично удостовериться в специфических вкусовых качествах горького вина или тухлой рыбы.

³³ См.: Усиков В. Адвокат Калабин // Советская юстиция. 1982. № 10. С. 17; БВС РСФСР. 1988. № 7. С. 8; Власов А. А. Указ. соч. С. 30–32.

Но это непосредственное познание принципиально ничем не будет отличаться от восприятия судом иных предметов, которые по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или по иным признакам могут служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, т. е. вещественных доказательств (ст. 73 ГПК, ст. 76 АПК).

Исследуя вещественные доказательства (в приводившихся Е. В. Васьковским примерах, дегустируя вина или рыбу), суд, вне сомнения, познает отдельные фрагменты объективной действительности. Кстати говоря, элементы непосредственного восприятия могут иметь место и при исследовании других доказательств. Например, суд исследует текст заключенного сторонами договора, заслушивает объяснения истца, явившегося в суд на костылях, по делу о возмещении вреда, причиненного его здоровью, и т. п. Однако этих непосредственно воспринимаемых судом фрагментов объективной реальности никогда не бывает достаточно для разрешения дела по существу. Они всегда должны быть объективированы в предусмотренную законом процессуальную форму и непременно дополнены информацией, полученной судом из других источников. Поэтому критикуемый взгляд вряд ли может быть признан верным даже с теоретической точки зрения. Если же обратиться к практическому аспекту данной теории, то, создав различные проблемы и осложнения как в теоретическом, так и в практическом плане, она вряд ли способна привести к каким-либо позитивным результатам.

Согласившись с данной точкой зрения, законодатель вынужден был бы записать в ГПК РФ и АПК РФ, что судебное познание может быть непосредственным и опосредованным. Далее в Кодексах нужно было бы определить, в какого рода ситуациях судебное познание будет непосредственным, по каким правилам оно осуществляется и какие из этого следуют последствия. И наконец, критикуемый взгляд вывел бы из круга предусмотренных законом средств доказывания вещественные доказательства, поскольку их внешний вид, свойства, место нахождения или иные признаки зачастую непосредственно воспринимаются судом.

Взгляд о возможности непосредственного, без доказывания, восприятия судом обстоятельств дела не способен подтвердить и случаи из судебной практики, приводившиеся С. В. Курьлевым и А. А. Власовым. С точки зрения закона, квартира или дом, расположенные в определенной окружающей среде с ее специфическими особенностями, в том числе шумовым и иным негативным сопровождением, являются не более чем вещественным доказательством. Извлечь имеющую значение для правильного разрешения дела информацию, установить внешний вид, свойства, место нахождения или иные признаки и состояния соответствующих объектов материального мира суд сможет путем его осмотра, а с учетом конкретных обстоятельств дела – местного осмотра (ст. 184 ГПК РФ, ст. 78 АПК РФ).

Разумеется, в рассуждениях ученых, полагающих, что суд может непосредственно познавать отдельные обстоятельства дел, имеется определенное рациональное зерно. Ведь в соответствии с ч. 1 ст. 157 ГПК, ст. 162 АПК суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации и пояснения специалистов, ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства, прослушать аудиозаписи и просмотреть видеозаписи. Элемент непосредственного восприятия судом отдельных фрагментов объективной действительности бывает особенно наглядным при исследовании вещественных доказательств. Например, суд может осмотреть поврежденный в ДТП автомобиль, полученную из химчистки или швейной мастерской вещь, испорченную ответчиком по утверждению истца. В случае возникновения спора, связанного с продажей или поставкой продуктов ненадлежащего качества, суд при желании может попробовать горькое вино, понюхать тухлую рыбу, а также «полакомиться» и иными кулинарными «изысками». Впрочем, вряд ли современный не всегда в достаточной степени любопытный и уж точно перегруженный делами российский судья способен совершать такого рода «подвиги». Ему значительно проще и удоб-

нее, не выходя из зала судебного заседания, устанавливать имеющие значение по делу юридические факты путем исследования письменных доказательств, заслушивания объяснений сторон, показаний свидетелей и т. д. Даже в тех случаях, когда суд исследует важные вещественные доказательства, вряд ли всегда можно согласиться с тем, что он непосредственно воспринимает юридические факты, которые затем можно будет положить в основу судебного решения. Например, осмотрев попавший в ДТП автомобиль, суд сможет зафиксировать в протоколе судебного заседания или в протоколе осмотра на месте наличие определенных повреждений на корпусе машины. Но совершенно очевидно, что такого рода восприятие судом фрагмента действительности не способно дать ответ на большинство подлежащих установлению для разрешения дела фактов.

По чьей вине произошло ДТП? Каков реальный объем полученных в ДТП повреждений? Какие из нуждающихся в ремонте или замене узлов и агрегатов автомобиля были повреждены в результате данного ДТП, а какие были получены в более ранний период? Подлежит ли машина восстановлению и ремонту? Какова стоимость такого ремонта? Число подобных вопросов при желании можно было бы продолжить. Разумеется, что ответ на эти и иные имеющие значение для правильного разрешения дела вопросы может быть найден судом путем исследования и оценки иных доказательств-объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, заключений экспертов и т. д.

Если согласиться с точкой зрения о возможности непосредственного (без исследования доказательств) познания судом обстоятельств дела, то необходимо будет вносить серьезные коррективы в теорию процессуального права. Нужно будет также вносить существенные изменения и дополнения в ГПК РФ и АПК РФ, а возможно, и в УПК РФ и КоАП РФ, которые бы регламентировали порядок непосредственного познания судом обстоятельств дела. Если же обратиться к практике процесса, которая всегда была критерием правильности или неправильности соответствующих теорий, то практика ничего позитивного от такого рода новаций получить не сможет. Непосредственное познание судом тех или иных обстоятельств может быть сведено лишь к уже известному осмотру вещественных доказательств (осмотру на месте) либо непосредственной фиксации судом определенных обстоятельств процессуального плана. Что же касается так называемых фактов-состояний, то информацию о запаханном участке, особенностях планировки жилого помещения, степени ухоженности или неухоженности ребенка, о праве на воспитание которого спорят его родители, и тому подобные обстоятельств суду значительно проще и привычнее установить с помощью предусмотренных законом средств доказывания. События, как приятные для отдельных участников процесса, например возврат долга, так и печальные и даже трагические (смерть стороны, убийство в зале судебного заседания или на пороге суда³⁴), найдут отражение в судебных постановлениях не в качестве результата непосредственного судебного восприятия, а на основании соответствующих юридических и процессуальных документов.

³⁴ См., напр.: Богданов В., Баршев В. Самосуд после суда // РГ. 2011. 1 сент.

Глава 2. Объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц. Признание

Понятие объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц как доказательства

Объяснения сторон, пожалуй, являются самым распространенным средством доказывания в гражданском процессе. Вряд ли можно найти какое-то дело искового производства, где бы стороны или хотя бы одна из них не дали суду своих объяснений по обстоятельствам возникшего спора. Статья 55 ГПК РФ на первом месте среди предусмотренных законом средств доказывания называет объяснения сторон и третьих лиц. Данному источнику информации специально посвящена ст. 68, которая так и называется: «Объяснения сторон и третьих лиц».

Некоторые авторы считают необходимым выделять отдельные категории дел, в которых, по их мнению, объяснения сторон как доказательство используются чаще, нежели по другим делам. Это споры:

- вытекающие из семейных правоотношений. В такого рода делах объяснения сторон используются всегда, поскольку речь идет о сфере межличностных отношений сторон, их личных действиях, о которых они осведомлены лучше других. Сюда относятся споры о детях, включая оспаривание и установление отцовства;

- о защите авторских прав, где объяснения сторон являются одним из самых распространенных видов доказательств. Поскольку творчество, результатом которого является создание произведения, нередко недоступно документальной фиксации, во многих случаях необходимые для разрешения дела сведения могут быть представлены только автором произведения, т. е. стороной в процессе;

- из трудовых правоотношений (о восстановлении на работе и др.);

- о компенсации морального вреда. Здесь объяснения сторон – это первоначальная информация о фактах, поскольку предметом судебного исследования выступают явления субъективного характера (страдания), представления о которых различны у каждого участника процесса. Может получиться так, что объяснения лица о его нравственных и физических страданиях будут единственным доказательством³⁵.

С подобной постановкой вопроса вряд ли можно согласиться. Действительно, по большинству из перечисленных категорий дел объяснения сторон как доказательство имеют чрезвычайно важное значение. Однако при их рассмотрении и разрешении нельзя обойтись и без иных средств доказывания (письменных доказательств, заключений экспертов и т. д.). В то же время трудно найти не только определенную категорию гражданских дел, но и конкретные гражданские дела, в которых можно было бы обойтись без использования объяснений сторон и в которых бы они так или иначе не фигурировали.

Несколько меньшее, но весьма существенное значение имеют объяснения сторон и других лиц, участвующих в деле, в арбитражном процессе. На основании ч. 2 ст. 64 АПК РФ объяснения лиц, участвующих в деле, допускаются в качестве доказательства. Однако, в отличие от ст. 55 ГПК РФ, ставящей объяснения сторон и третьих лиц на первое место среди предусмотренных законом средств доказывания, АПК РФ данному средству доказывания отводит лишь второе место после письменных доказательств. С учетом специфики арбитражного процесса такое предпочтение является вполне понятным и оправданным.

³⁵ См.: Козырева Е. В. Процессуальные особенности рассмотрения судами гражданских дел о компенсации морального вреда: дис... канд. юрид. наук. Тверь, 2003. С. 123.

В арбитражном процессе статус судебного доказательства имеют и объяснения лиц, участвующих в деле, полученные путем использования систем видеоконференц-связи (ч. 2 ст. 64 АПК РФ).

Под влиянием прогрессивных тенденций в развитии арбитражного процессуального законодательства начал просыпаться и наш достаточно консервативный Верховный Суд РФ. По одному из внесенных им в Государственную Думу законопроектов предполагается введение в гражданское судопроизводство систем видеоконференц-связи. Согласно проекту закона о внесении дополнений и изменений в ГПК РФ, планируется оборудовать системами видеоконференц-связи 6601 зал судебных заседаний. Это помимо тех залов, где такая аппаратура уже установлена³⁶.

В теории судебных доказательств объяснения сторон и третьих лиц классифицируют на отдельные виды.

По форме или по способу доведения информации до суда объяснения сторон могут быть устными или письменными³⁷.

Объяснения истца или иного юридически заинтересованного в исходе дела лица об обстоятельствах дела содержатся уже в исковом заявлении (или заявлении), с которого начинается процесс. По закону истец должен обосновать свое требование и указать в исковом заявлении обстоятельства, на которых оно основано (ст. 131, 247, 267, 270, 277 и другие статьи ГПК РФ, ст. 125, 193 и другие статьи АПК РФ). Это первое сообщение юридически заинтересованного в исходе дела лица о фактах. Если ответчик подает письменные возражения на иск, то в них тоже могут содержаться указания на определенные факты.

В объяснениях сторон, особенно если речь идет об объяснениях стороны – гражданина, сведения чаще всего представляют собой довольно сложный конгломерат. В них можно выделить: 1) сообщения и сведения о фактах; 2) различные волеизъявления; 3) суждения о юридической квалификации правоотношений; 4) мотивы, аргументы, с помощью которых каждая сторона освещает фактические обстоятельства в выгодном для себя аспекте; 5) выражение эмоций, настроения и соображений этического порядка³⁸.

В любом случае, какие бы элементы ни пришлось выделять в объяснениях, доказательствами они являются лишь в той части, где содержатся сведения, информация об обстоятельствах дела. Другие заявления сторон, содержащие различного рода ходатайства, доводы и соображения по обсуждаемым в процессе вопросам, правовую оценку тех или иных обстоятельств, доказательствами не являются.

Утверждения и признания сторон

По содержанию объяснения сторон делятся на утверждения и признания.

Утверждение содержит сведения о фактах, существование которых должно доказываться самим лицом, утверждающим то или иное положение.

Признание – это такое объяснение, в котором содержится информация о фактах, существование которых должна доказывать другая сторона. Более подробно о признании пойдет речь в конце настоящей главы.

Некоторые ученые классификацию объяснений сторон и третьих лиц на утверждения и признания считают не вполне точной. Например, саратовские процессуалисты полагают, что в зависимости от характера объяснений сторон их следует относить к одной из следующих четы-

³⁶ См.: Куликов В. Верховный Суд предлагает узаконить видеосвязь в гражданских процессах. Суды и смотри // РГ. 2012 г. 12 апр.

³⁷ Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2016. С. 184.

³⁸ Треушников М. К. Судебные доказательства. С. 183.

рех групп: утверждение, признание, возражение, отрицание. Они считают данную классификацию более полной и детальной³⁹.

В частности, И. М. Зайцев полагал, что отрицание является «самостоятельным способом судебной защиты, разновидностью доказательственной информации, при котором сторона не соглашается с позицией другой стороны без приведения каких-либо доказательств»⁴⁰.

Объяснения сторон или объяснения юридически заинтересованных в исходе дела лиц?

Объяснения сторон являются одним из самых распространенных средств доказывания в гражданском и арбитражном процессах. В то же время терминология, используемая ГПК РФ для обозначения средства доказывания, о котором идет речь, является не вполне точной. Ведь суды общей юрисдикции рассматривают не только иски, но также дела, возникающие из публично-правовых отношений и дела особого производства. Соответственно, наряду со сторонами и третьими лицами в гражданском процессе участвуют и иные, юридически заинтересованные в исходе дела лица. Это – заявители и другие заинтересованные лица, участвующие в делах, возникающих из публичных правоотношений, и в делах особого производства. Получаемая судом от указанных субъектов информация также является доказательством. Процессуальное значение такого рода информации и процессуальный порядок ее исследования, по существу, аналогичны процессуальному значению и процессуальному порядку исследования объяснений сторон и третьих лиц.

Таким образом, используемый в ГПК РФ термин «объяснения сторон и третьих лиц» является слишком узким. Исходя из буквы закона, под него не подпадают объяснения лиц, участвующих в делах, возникающих из публично-правовых отношений, и в делах особого производства.

Напротив, употребляемый в ст. 64, 81 и 162 АПК РФ термин «объяснения лиц, участвующих в деле» чрезмерно широк. Ведь доказательственное значение имеют объяснения не всех, но главным образом юридически заинтересованных в исходе дела лиц. В отличие от этого объяснения, скажем прокурора, информации доказательственного значения обычно не содержат. Чаще всего в них речь идет о толковании норм права.

Более верно, с нашей точки зрения, вопрос о терминологии решен в ГПК Республики Беларусь. § 1 гл. 22 этого Кодекса называется «Объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц». В соответствии со ст. 183 ГПК Республики Беларусь стороны и другие юридически заинтересованные в исходе дела лица сообщают суду сведения о предмете доказывания, о каждом из фактов, входящих в предмет доказывания, о доказательствах, с помощью которых можно подтвердить или опровергнуть существование этих фактов.

Статья 185 ГПК Республики Беларусь определяет порядок допроса сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Стороны и другие юридически заинтересованные в исходе дела лица дают суду объяснения о подлежащих установлению фактах в устной форме и могут ходатайствовать о приобщении к делу своих письменных объяснений. Здесь же подчеркивается, что доказательственное значение имеют также объяснения юридически заинтересованных в исходе дела лиц, содержащиеся в заявлениях и других процессуальных документах.

Поскольку в ГПК РФ и АПК РФ данное средство доказывания именуется не вполне точно, представляется целесообразным внести в терминологию этих кодексов соответствующую

³⁹ Гражданский процесс России: учебник / под ред. М. А. Вилкут. 2-е изд. М., 2006. С. 183–184 (автор гл. 16 «Средства судебного доказывания» – И. М. Зайцев).

⁴⁰ Там же. С. 184.

щие уточнения. Исходя из систематического и логического толкования положений ГПК РФ и АПК РФ, представляется более верным обозначать данное средство доказывания термином «объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц».

По указанной причине автор настоящей работы позволит себе в соответствующих местах своего исследования вести речь не об объяснениях сторон и третьих лиц или об объяснениях лиц, участвующих в деле, а об объяснениях сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц. Впрочем, для краткости возможно употребление и кратких условных терминов «объяснения сторон» или «объяснения лиц, участвующих в деле», под которыми в контексте настоящей работы необходимо понимать объяснения всех юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Процессуальная форма объяснений юридически заинтересованных в исходе дела лиц

Как уже указывалось выше, объяснения лиц, участвующих в деле, суд может воспринимать в двух формах – устной и письменной. В письменной форме эти объяснения, наряду со ссылками на действующее законодательство и анализом норм материального и процессуального права, в тех или иных объемах, как правило, содержатся в разнообразных процессуальных документах: исковых заявлениях, возражениях относительно исковых требований, в различного рода ходатайствах, заявлениях и т. д.

Нередко лица, участвующие в деле, и их представители составляют письменные объяснения, в которых подробно излагаются обстоятельства дела. Устные же объяснения лица, участвующие в деле, дают непосредственно в судебном заседании, причем именно с них начинается судебное следствие. Сначала заслушиваются объяснения истца и участвующего на его стороне третьего лица, после этого ответчика и участвующего на его стороне третьего лица, а затем слово для объяснений предоставляется другим лицам, если они участвуют в данном деле. Лица, участвующие в деле, вправе задавать друг другу вопросы. Судьи вправе задавать вопросы лицам, участвующим в деле, в любой момент дачи ими объяснений.

Объяснения в письменной форме лиц, участвующих в деле, в случае их неявки, а также в некоторых других, предусмотренных законом случаях (ст. 62, 64 ГПК РФ) оглашаются председательствующим (ст. 174 ГПК РФ).

Возможна и такая ситуация, когда, дав устные объяснения и ответив на вопросы судьи и участников процесса, лицо, участвующее в деле, просит приобщить к материалам дела свои письменные объяснения. Нередко в порядке подготовки дела к слушанию представляются письменные объяснения ответчика в форме возражений или отзыва на иск (п. 2 ч. 2 ст. 149, ст. 131 АПК РФ). Причем в соответствии со ст. 68 ГПК РФ ст. 81 АПК РФ в качестве доказательства может рассматриваться лишь та часть объяснений лиц, участвующих в деле, в которой содержатся сведения о фактах, имеющих значение для дела.

Специфика объяснений юридически заинтересованных в исходе дела лиц как доказательства. Обязаны ли они говорить суду правду?

Если стороной или другим юридически заинтересованным в исходе дела лицом является гражданин, то данные им объяснения будут относиться к личным средствам доказывания.

Однако в гражданском процессе нередко участвуют и юридические лица. Что же касается арбитражного процесса, то участвующие в нем субъекты, по общему правилу, являются юридическими лицами. Данное обстоятельство вызывает определенные затруднения с точки зрения отнесения объяснений этих субъектов к традиционным классификационным рядам (личные –

вещественные; личные – вещественные – письменные). Во всяком случае, в объяснениях, которые даются от имени юридического лица его органами или представителями, трудно усмотреть личностный элемент. Если эти объяснения в судебном заседании даются в устной форме, то, воспользовавшись современным сленгом, можно сказать, что так или иначе они сводятся к озвучиванию составленных от имени юридического лица письменных объяснений. Поэтому, с точки зрения классификации по источнику, объяснения, которые даются от имени участвующих в гражданском или арбитражном процессе юридических лиц, правильнее отнести к письменным доказательствам.

Если стороной или другим юридически заинтересованным в исходе дела лицом является гражданин, то по ряду моментов они являются сходными с показаниями свидетелей. В частности, М. А. Гурвич полагал, что объяснения сторон ничем не отличаются по своему действию от свидетельских показаний, порядок их представления схож с порядком допроса свидетеля, поэтому правильнее именовать это доказательство как «показания сторон»⁴¹. И в одном, и в другом случаях источником информации является человек с его биологическими и психологическими возможностями и особенностями восприятия, запоминания и воспроизведения информации. Окружающий мир человек воспринимает с помощью своих органов чувств: зрения, слуха, обоняния и осязания. Получив соответствующую информацию, чаще всего на основе увиденного или услышанного, человек определенным образом ее перерабатывает и сохраняет в памяти на некоторый срок.

В то же время возможности для восприятия, удержания в памяти и по прошествии относительно длительного отрезка времени воспроизведения информации неким «средним человеком» довольно ограничены. Кроме того, качество восприятия, сохранения в памяти и воспроизведения информации будет зависеть от следующих весьма важных моментов. Прежде всего это особенности органов чувств конкретного индивидуума. Насколько хорошо определенный человек, например дающий показания в суде свидетель, видит, слышит и т. д.? Каковы индивидуальные особенности его памяти, в том числе зрительной памяти?

Известно также, что на качество восприятия, длительность удержания информации в памяти и возможность через определенное время ее воспроизведения самым существенным образом влияет наличие или отсутствие у индивидуума интереса к воспринимаемому им событию. На этом, в частности, основаны отличительные особенности объяснений сторон и показаний свидетелей, о чем пойдет речь ниже.

Регламентация в ГПК РФ и АПК РФ порядка получения и исследования объяснений лиц, участвующих в деле, довольно скудна. В соответствии со ст. 35 ГПК РФ лица, участвующие в деле, имеют право давать объяснения суду в устной и письменной форме; приводить свои доводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, возражать относительно ходатайств и доводов других лиц, участвующих в деле. Сходная норма сформулирована и в ст. 41 АПК РФ.

На основании ч. 1 ст. 68 ГПК РФ объяснения сторон и третьих лиц об известных им обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, подлежат проверке и оценке наряду с другими доказательствами. В случае если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны.

В соответствии со ст. 81 АПК РФ лицо, участвующее в деле, представляет арбитражному суду свои объяснения об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для дела, в письменной или устной форме. По предложению суда лицо, участвующее в деле, может изложить свои объяснения в письменной форме.

Объяснения, изложенные в письменной форме, приобщаются к материалам дела.

⁴¹ Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1950. С. 117–118.

Объяснения, изложенные в письменной форме участвующими в деле лицами, оглашаются в судебном заседании.

После оглашения объяснения, изложенного в письменной форме, лицо, представившее это объяснение, вправе дать относительно него необходимые пояснения, а также обязано ответить на вопросы других лиц, участвующих в деле, и арбитражного суда.

В соответствии со ст. 162 АПК РФ при рассмотрении дела арбитражный суд должен непосредственно исследовать доказательства по делу, в том числе заслушать объяснения лиц, участвующих в деле, а также огласить такие объяснения, представленные в письменной форме. Лицо, участвующее в деле, вправе дать арбитражному суду пояснения о представленных им доказательствах и доказательствах, истребованных судом по его ходатайству.

Проблема объяснений сторон как доказательства в литературе в свое время глубоко и подробно была исследована в кандидатской диссертации и монографии С. В. Курылева⁴². Для того чтобы оценить сложность избранной ученым темы и значимость полученных результатов, необходимо иметь в виду следующее. В действовавших в тот период ГПК РСФСР 1923 г. и ГПК других союзных республик объяснения сторон в числе судебных доказательств даже не упоминались, а порядок использования судом объяснений сторон почти не регламентировался. В качестве же средств доказывания ГПК называли лишь свидетельские и письменные доказательства, а также заключения экспертов. Более того, отдельные нормы процессуального права (например, ст. 118 ГПК РСФСР 1923 г.) давали определенные основания для вывода о том, что объяснения сторон, в частности их утверждения, вообще не являются судебными доказательствами.

Вопрос о том, являются объяснения сторон доказательством или нет, в свое время вызывал серьезные разногласия и в процессуальной литературе. По мнению одних процессуалистов, судебными доказательствами могли считаться лишь признания. Другие же относили к судебным доказательствам не только признания, но и объяснения сторон вообще. Однако при более тщательном рассмотрении высказанных ими соображений оказывалось, что и эти процессуалисты (К. С. Юдельсон, С. Н. Абрамов и др.) к судебным доказательствам на самом деле относили лишь признания. Спорным в теории и на практике являлся даже наиболее разработанный из этой области вопрос о юридической природе признания.

Суды по-разному относились к определению значения объяснений сторон. В одних случаях они совершенно игнорировали объяснения сторон в качестве судебного доказательства, в других – недооценивали, в-третьих – переоценивали доказательственное значение объяснений сторон. Отсутствие в теории гражданского процессуального права ясности по вопросам о сущности, процессуальном значении и особенностях объяснений сторон являлось одной из причин, нередко приводивших к неисследованности фактических обстоятельств и к неправильному разрешению гражданских дел⁴³.

В своем исследовании С. В. Курылев поставил и ответил на следующие вопросы:

1. Можно ли признать объяснения сторон судебным доказательством?
2. В чем состоят те специфические особенности объяснений сторон, знание и учет которых при исследовании и оценке доказательств необходимы для эффективного использования объяснений сторон в качестве средства установления истины, для предотвращения ошибок при использовании объяснений сторон?⁴⁴

⁴² См.: Курылев С. В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953; *Он же*. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1956.

⁴³ См.: Курылев С. В. Объяснения сторон как доказательство... С. 3–5.

⁴⁴ Следует подчеркнуть, что автор вел речь лишь о доказательственном значении объяснений сторон – граждан. Специфики объяснений, которые даются от имени юридических лиц их органами и представителями, С. В. Курылев, в сущности, не затрагивал.

В качестве заключительных выводов своей работы автор, в частности, указывал следующее: «Показание стороны о фактах, имеющих юридическое или доказательственное значение для дела, представляет собой явление объективной действительности, заключающееся в воспроизведении человеком (стороной в процессе) имеющегося в его психике «следа-образа» воспринятых им фактов. Показания сторон – это явления действительности, определенным образом связанные с другими явлениями действительности – неизвестными суду юридическими или доказательственными фактами, в силу чего показания сторон могут быть использованы судом в качестве средств познания действительности, в качестве судебных доказательств.

Показания сторон характеризуются определенной спецификой, по сравнению с другими судебными доказательствами – как вещественными, так и личными, которая заключается, во-первых, в характере источника, из которого проистекают показания сторон, во-вторых, в особенностях процесса формирования данного вида судебных доказательств, в-третьих, в особенностях процессуальной формы получения судом показаний сторон»⁴⁵.

Таким образом, объяснения сторон и третьих лиц не имеют каких-либо преимуществ перед другими средствами доказывания, равно как иные доказательства по отношению к объяснениям сторон. В действующем Кодексе подчеркивается, что объяснения сторон и третьих лиц подлежат проверке и оценке наряду с другими доказательствами, никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы (ч. 2 ст. 67, ч. 1 ст. 68 ГПК РФ). И это абсолютно верно, поскольку объяснения сторон как доказательство имеют свои особенности, как преимущества, так и недостатки. Сравним в данном отношении их с другим личным средством доказывания – показаниями свидетелей.

Как правило, стороны, по сравнению со свидетелями, значительно более полно информированы об обстоятельствах дела. Даже если условия для восприятия определенных обстоятельств у будущей стороны и потенциального свидетеля были аналогичными (например, свидетель присутствовал при заключении сделки, наблюдал факт причинения вреда и т. п.), сторона, по общему правилу, обладает большим объемом информации. Будучи заинтересованной в исходе дела, она более полно воспринимает соответствующую информацию, долго удерживает ее в памяти и по прошествии даже длительного времени, как правило, в состоянии в деталях ее воспроизвести. Кроме того, сторона обладает так называемыми фоновыми знаниями, т. е. информацией, которая известна ей (а порой только ей) до наступления соответствующего события. Так, если речь идет о причинении вреда какому-то имуществу, например автомобилю, то не заинтересованный в исходе дела свидетель в лучшем случае в самых общих чертах опишет происшествие и автомобиль, которому причинен вред. Сторона же, в особенности истец, во всех подробностях может рассказать суду, когда и за какую сумму был приобретен автомобиль, сколько он был в эксплуатации, каковы были обстоятельства дорожно-транспортного происшествия и многое другое.

Означает ли сказанное, что объяснения сторон являются лучшим доказательством по отношению к показаниям свидетелей? Разумеется, нет, и это также связано с наличием у стороны заинтересованности в исходе дела. Наличие такого рода заинтересованности побуждает стороны к тому, что соответствующую информацию они нередко искажают в выгодном для себя свете. Причем порой такого рода искажение происходит умышленно, а чаще всего ненамеренно и даже незаметно для соответствующей стороны. Относительно типичная ситуация такого рода может заключаться в том, что обстоятельства столкновения двух автомобилей на перекрестке их водители могут освещать прямо противоположно в отношении скорости движения машин, следования каждого из них на разрешающий или запрещающий сигнал светофора и т. п. В результате может получиться, что оба автомобиля двигались на зеленый сигнал светофора. В подобных ситуациях для устранения противоречий в объяснениях сторон суд

⁴⁵ Курьлев С. В. Объяснения сторон... С. 185.

будет привлекать иные средства доказывания: показания свидетелей, заключения экспертов и др.

Имея в виду подобные обстоятельства, стороны не предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи объяснений и дачу заведомо ложных объяснений. Правда, в юридической литературе порой все-таки указывается на то, что стороны обязаны говорить суду правду⁴⁶. Вряд ли с этим можно согласиться. Прямо о такого рода обязанности в Кодексе ничего не сказано. Какой-либо ответственности за искажение стороной исходящей от нее в форме объяснений информации не существует. Правда, имеется более общая обязанность, в соответствии с которой лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ).

Требовать от сторон, чтобы они всегда говорили суду правду и только правду, невозможно. Будучи убеждена, что она говорит чистейшую правду, сторона неизбежно, нередко даже незаметно для себя, искажает информацию в выгодном для себя свете. Если и можно говорить об обязанности стороны говорить суду правду, то она будет носить исключительно нравственный характер.

Уяснить влияние заинтересованности стороны на характер даваемых ею объяснений поможет уяснить следующий пример. Некоторое время назад на экранах российских кинотеатров шел французский кинофильм «Мужчина и женщина». Особенность замысла его авторов заключалась в том, что история создания и распада одной французской семьи сначала была показана как бы глазами мужа, а затем те же самые события представлены так, как они воспринимались женой. Просмотрев первую серию фильма и прослушав объяснения истца во французском суде по делу о расторжении брака, зритель приходил к выводу, что в распаде семьи виновата легкомысленная Франсуаз. В конце же второй серии фильма зритель кардинально менял свое мнение и приходил к убеждению, что в распаде семьи виноват муж Жан-Марк.

Всегда ли заинтересованные в исходе дела лица на самом деле процессуально равноправны в российских судах?

Нельзя не отметить, что при рассмотрении гражданских дел суды порой допускают совершенно разный подход к исследованию и оценке объяснений юридически заинтересованных в исходе дела лиц и представленных ими доказательств. Одни из них без достаточных оснований принимаются за абсолютную истину, а другие необоснованно отвергаются. В первую очередь это относится к объяснениям различных VIP-персон либо отдельных значимых государственных структур. В такого рода ситуациях бывает, что суды дают слабинку и соглашаются с ничем не подкрепленными, а иногда и просто фантастическими утверждениями заинтересованных лиц, которые к тому же могут полностью расходиться с другими материалами дела. Сошлемся в данном отношении на два недавно разрешенных резонансных дела из практики московских судов.

Замоскворецкий суд Москвы в ноябре 2011 г. рассмотрел громкий и достаточно необычный спор. Речь шла о защите имущественных прав г-на В. М. Гундяева – собственника квартиры, расположенной в известном Доме на набережной. Среди православных В. М. Гундяев более известен в качестве Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Впрочем, в суд обратился не сам Гундяев, а проживающая в квартире и зарегистрированная в ней некая Лидия Леонова. В некоторых источниках она именуется троюродной сестрой патриарха.

Дама потребовала взыскать с ответчика – известного кардиохирурга, бывшего министра здравоохранения России Юрия Шевченко, а ныне также православного священника, правда, украинской православной церкви, крупную денежную сумму. Согласно изложенной в исковом

⁴⁶ См., напр.: Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. С. 144.

заявлении и озвученной в судебном заседании версии, в квартире Шевченко, расположенной над квартирой Гундяева, в 2010 г. проводился ремонт. В ходе ремонта сносились несущие перегородки, вентиляционные каналы и менялось напольное покрытие. В квартире патриарха, расположенной этажом ниже, оказался поврежден потолок, и ее засыпало строительной пылью. При этом якобы был нанесен ущерб как самой квартире, так и находившейся в ней мебели, бытовой технике, картинам и книгам. Причем, по утверждению Л. Леоновой, пыль была не простая, а с некими *наночастицами*, «которые при возможном длительном контакте с человеком могут оказывать негативное воздействие на здоровье человека, вызывая заболевания, в том числе и онкологические» (курсив наш. – А. Б.).

Кроме того, по вине ответчика пришли в негодность 13 стульев, два дивана, кресло и три ковра. Ремонт квартиры якобы обошелся в сумму свыше 7 млн руб., чистка имущества вместе с перевозкой, а также замена испорченной мебели и ковров – в 2,6 млн руб., аренда другой квартиры на время ремонта – около 2 млн руб., очистка книг из библиотеки патриарха – более 6,3 млн руб.

Ответчик Шевченко иска не признал и через своего представителя – адвоката заявил ряд процессуальных возражений. Леонова – ненадлежащий истец, она только зарегистрирована в квартире, но не является собственником, и у нее нет доверенности от собственника на ведение дела в суде. Определение размера ущерба требует проведения экспертизы. В данном же случае размер ущерба определен в соответствии с заказанным собственником заключением специалистов Института общей и неорганической химии имени Н. С. Курнакова РАН, которому истец не доверяет. Возможности осмотреть запыленную квартиру патриарха, а также якобы испорченную мебель, ковры и запыленные книги ответчику и его представителю предоставлено не было.

Однако все эти серьезные юридические соображения оказались гласом вопиющего в «судебной пустыне». Дело было рассмотрено по заявлению ненадлежащего истца, а в производстве экспертизы отказано. За запыление квартиры его святейшества якобы «вредоносными наночастицами» с ответчика была взыскана фантастическая сумма в 19,7 млн руб. Что же касается доказательственного материала по делу, то он был построен исключительно на объяснениях заинтересованной в исходе дела Л. Леоновой и представленных ею документах, котрым суд, по существу, придал значение абсолютной истины.

К этому нужно добавить, что в принятии встречного иска ответчику было отказано с мотивировкой, что он якобы «злоупотребляет своими правами». При этом судья сослался не на норму процессуального, а материального права: «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах» (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Не имела успеха и попытка Шевченко возбудить дело о возврате собственником квартиры неосновательного обогащения (ст. 1102 ГК РФ) в виде полностью оплаченной им запыленной мебели, а именно 13 стульев, двух диванов, кресла и трех ковров. Между тем из смысла вышеуказанной нормы однозначно вытекает, что если истцу присуждается полная стоимость поврежденного ответчиком имущества, то суд одновременно обязывает истца передать ответчику это имущество. В данном отношении сложилась и многолетняя судебная практика. Так, взыскав по конкретному гражданскому делу с предприятия химчистки одежды «Лиса-Бон» в пользу истицы 161 тыс. рублей за испорченное свадебное платье, Таганский суд Москвы одновременно обязал истицу передать ответчику испорченное платье⁴⁷. Не исключено, что приведенное, как и масса других однотипных дел, были правильно разрешены судами в том числе потому, что в них не участвовали какие-либо VIP-персоны.

⁴⁷ См.: На претензии новобрачной в химчистке посмотрели сквозь дыры на свадебном платье // МК. 2012. 26 июня.

Несмотря на достаточную сомнительность законности и обоснованности решения по спору Гундяева (номинально Леоновой) с Шевченко, Мосгорсуд оставил его без изменения, а судебные приставы – исполнители с не свойственной им прытью стали требовать с должника уплаты суммы долга. В обеспечение исполнения судебного решения по требованию Леоновой был наложен арест на 5-комнатную квартиру должника, оцененную БТИ всего в 15 млн руб. Над Шевченко навис реальный риск отчуждения за бесценок дорогостоящего жилья. Одновременно приставы наложили арест на банковский счет должника и запретили человеку, страдающему тяжелым онкологическим заболеванием, выезд на полгода за рубеж.

«Пыльный» суд оказался в центре внимания граждан и СМИ по нескольким причинам. «Сначала общественности показалось странным, что у главы Русской православной церкви во владении имеются столь роскошные апартаменты. Потом – что лишь его квартира оказалась испорчена ремонтом Юрия Шевченко, ведь никто из соседей бывшего министра... не предъявлял ему претензий ни в устной форме, ни тем более в исковой»⁴⁸.

Удивительное судебное решение широко обсуждалось в СМИ и Интернете: «Для начала по канонам православной церкви Патриарх является монахом и никакой собственности иметь не имеет права. И если у него есть квартира, машина, дача, яхта, то никакой он не монах и тем более не Патриарх», – писал один из участников обсуждения на форуме⁴⁹.

Впрочем, представители РПЦ пытались отрицать причастность патриарха к этому скандалу. В интервью Интерфаксу глава синодального Информационного отдела РПЦ Владимир Легойда отметил, что данная ситуация – это не что иное, как информационный «вброс». «Попытки связать имя предстоятеля Церкви с данным делом – очередной пример грязных пиар-технологий»⁵⁰.

4 декабря 2011 г. состоялись выборы в Государственную Думу. Порядок их проведения и подведения итогов вызвал массу нареканий у ряда политических партий, СМИ, а также рядовых граждан. Ассоциация некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей “ГОЛОС” с 2000 г. занимается независимым наблюдением за выборами и защитой прав избирателей. По ее данным, в целом по стране по фактам разного рода фальсификаций, допущенных в ходе декабрьских выборов 2011 г., в суды поступило 2000 заявлений о нарушениях избирательного законодательства. Из указанного числа в 1998 случаях суды вынесли решения об отказе в удовлетворении заявлений и лишь в 2 – об отмене итогов выборов на соответствующих избирательных участках.

В связи с этим газета «МК» писала:

«Эти два случая – редкостные исключения из правила, которому следуют суды: защищать результаты выборов любыми путями и во что бы то ни стало. ... Суды неуклонно оправдывают фальсификаторов, плюя на закон и здравый смысл»⁵¹ (курсив наш. – А. Б.).

В качестве иллюстрации к данному утверждению корреспондент МК, присутствовавшая в одном из такого рода судебных заседаний, с протокольной точностью рассказывает о его ходе и результатах. Речь шла о судебном заседании, имевшем место 31 января 2012 г. в Преснен-

⁴⁸ Шевченко хочет увидеть мебель патриарха, которую испортила пыль // РБК daily. 2012. 17 апр. См. также: *Панченко Л.* Сосед Патриарха оплатился квартирой. Но с решением суда все равно не согласен // МК. 2012. 7 апр.; *Яковлева Ю.* Вместе с пылью в «квартире патриарха» осели 20 млн рублей // РБК daily. 2012. 9 апр.; Экс-министр здравоохранения судится с патриархом за три ковра // МК. 2012. 11 мая; *Яковлева Ю.* Суэта вокруг диванов патриарха Кирилла // РБК daily. 2012. 12 мая.

⁴⁹ Процессуальная ситуация, когда заявление ненадлежащего истца было принято судом и рассмотрено по существу, вряд ли может быть признана случайной ошибкой представлявшего интересы истца квалифицированного адвоката или суда. Особый статус собственника квартиры и характер спора требовали сугубой конфиденциальности во избежание скандала. Скандал тем не менее разразился и нанес ущерб не только самому г-ну В. М. Гундяеву и возглавляемой им РПЦ, но, что еще более существенно, и без того не слишком высокому авторитету российского правосудия.

⁵⁰ См.: «Келья» в пять комнат Патриарха Кирилла в центре скандала: требует 26 миллионов за «нанопыль»? // URL: <http://www.cogruscia.net/articles/fact-6062.html> 2012 г.

⁵¹ *Калинина Ю.* Побег в окно. О фальсификации выборов на избирательном участке № 81. «Пресня» // МК. 2012. 1 фев.

ском районном суде Москвы. Там рассматривалось заявление члена участковой избирательной комиссии от КПРФ Натальи Ушляковой, работавшей на 81-м избирательном участке Москвы. На этом избирательном участке 4 декабря произошла прямо-таки фантастическая история, более похожая на дурной анекдот.

В течение дня выборов председатель избирательной комиссии – работник отдела социального обеспечения К. Н. Титова – из-за вездыхальных наблюдателей не смогла организовать вброс в урну избирательных бюллетеней. Поэтому по документам у нее получалось, что бюллетеней выдано на 301 штуку больше, чем находится в урне. Не желая обнародовать этот факт, Клавдия Николаевна под разными предлогами не начинала подсчета голосов до 22 часов. К этому времени приехала полиция и вытолкала из помещений наблюдателей от «Яблока» и СМИ, оставив только тихих пенсионеров-коммунистов. Однако эти пенсионеры тоже заметили, что в урнах не хватает 301 бюллетеня.

Мало того, что не хватало бюллетеней в урне, так еще и результаты для «Единой России» оказались плохими. КПРФ набрала 26 %, «Яблоко» – 23 %, а ЕР – всего 18 %. Клавдия Николаевна, не зная, что делать в такой тяжелой ситуации, решила просто сбежать. Она по-тихому собрала бюллетени, вылезла в окно и растворилась во тьме. Члены избиркома долго ждали ее и искали (надо же протокол подписывать и везти в ЦИК!), но так и не дождались.

Появилась председатель избирательной комиссии только утром 5 декабря. Бюллетеней у нее уже было гораздо больше, чем вечером, – штук на 500. И протокол был (подписанный всеми членами комиссии, включая тех, кто его не подписывал). И явка получилась уже не 53, а 90 %. И за «Единую Россию» там уже проголосовало 36, за КПРФ – 15, за «Яблоко» – 11 %.

Все это и было изложено в заявлении в суд Н. Ушляковой, и свои письменные объяснения она подтвердила в судебном заседании. В судебном заседании был допрошен и ряд свидетелей, в том числе члены избирательной комиссии от КПРФ. А наблюдавшие за ходом голосования и подсчетом его результаты представители Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и охранник здания подтвердили, что видели, как стокилограммовая Клавдия Николаевна лезла из окна.

Правда, сама Клавдия Николаевна, а также члены избирательной комиссии – ее коллеги-соцработники – в суде заявили, что Титова с участка никуда не уходила. Зато другая часть свидетелей (также членов избиркома) показала, что К. Н. Титова с участка ушла и они искали ее и ждали на участке полночи.

Заявитель Н. Ушлякова также представила суду видеозаписи, на которых были зафиксированы нумерованные страницы книги выдачи бюллетеней избирателям, наличие посторонних лиц на участке после 20 часов и «вынос» полицией наблюдателей. На видеозаписи была зафиксирована и «замечательная» сцена с членом комиссии Ю. В. Александровой, которая вместе с секретарем избиркома Анисимовым в полутемном буфете заполняла пачку бюллетеней. Увидев наблюдателей, она спрятала их в сумку, а когда женщина-полицейский попыталась заставить сумку открыть, проигнорировала это требование и ушла, как она сказала, «гулять».

Заявитель ходатайствовала об истребовании книги, в которой избиратели расписываются в получении бюллетеней, чтобы осмотреть подписи и понять, как это за последние два часа на участок пришло столько же народу, сколько за целый день. Было заявлено ходатайство и о проведении почерковедческой экспертизы подписи члена избиркома Садыхова, написавшего заявление о том, что итогового протокола избирательной комиссии он не подписывал.

Судья М. А. Цыпкина видеозаписи просмотрела, но каких-либо нарушений не увидела. Все иные ходатайства, включая ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы, она отклонила. В результате суд согласился с версией событий на избирательном участке, изложенной председателем избирательной комиссии К. Н. Титовой, и заявителю по всем пунктам отказал.

Заканчивая отчет о рассмотрении этого удивительного дела, корреспондент писала:

«Впрочем, мне лично не хочется никого винить. Ни Клавдию Николаевну, ни судью, ни помощника прокурора, ни членов избиркома, которые дали ложные показания.

Они исполняют указания, ну и пускай исполняют, если им это видится правильным. Но власти должны понимать, что пока они спускают своим людям такие указания, доверие к Путину падает, а вера в честные президентские выборы обнуляется со страшной скоростью»⁵².

В вышеприведенных делах суд соответственно выслушал объяснения ответчика Ю. Л. Шевченко и его представителя – адвоката, а также заявителя Н. Ушляковой. Более того, по второму делу суд удовлетворил часть ходатайств заявителя, но на исход дела это абсолютно не повлияло. Ситуация, с которой столкнулся в данном деле суд г. Москвы, в судебном сообществе именуется «давлением воздуха». К судье с соответствующими просьбами никто не обращается, никто на него не «давит», однако он четко понимает, какое решение должен вынести по конкретному спору, даже если оно будет противоречить закону и обстоятельствам дела.

В отдельных случаях при разрешении споров, имеющих особое политическое значение, применяется и вовсе не приличный для гражданского судопроизводства прием. Речь идет о том, чтобы юридически заинтересованных в исходе дела лиц вовсе не привлекать к участию в деле и в то же время разрешить вопрос о правах и обязанностях этих лиц.

Так, 14 февраля 2003 г. судья Верховного Суда РФ Н. С. Романенков рассмотрел в закрытом судебном заседании гражданское дело по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации в защиту интересов Российской Федерации о признании 15 организаций террористическими и о запрещении их деятельности на территории Российской Федерации. Это – «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «База» («Аль-Каида»), «Асбат аль-Ансар», «Священная война» («Аль-Джихад», или «Египетский исламский джихад»), «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») и др.

В надзорной жалобе, поданной в интересах одной из этих организаций, в частности, обращалось внимание на следующее: «При рассмотрении гражданских дел в порядке искового производства суд обязан руководствоваться... статьями 10 (гласность судебного разбирательства), 12 (осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон), 34, 35, 38 и 40 об участии сторон в судопроизводстве. В любом случае при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании должны присутствовать лица, участвующие в деле, их представители, дело в закрытом судебном заседании рассматривается и разрешается с соблюдением всех правил гражданского судопроизводства (ч. 5 и 6 ст. 10 ГПК РФ).

Указанное решение было вынесено в закрытом судебном заседании по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации и при участии представителей Министерства юстиции РФ и Федеральной службы безопасности РФ. Однако, несмотря на прямые указания упомянутых норм закона, дело о прекращении деятельности «Партии исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») и других организаций в нарушение требований ст. 12, 34 и 38 ГПК РФ рассмотрено в отсутствие представителей ответчиков, что исключило возможность реализации ими своих процессуальных прав (которых они ни одним законом не лишены) и лишило их возможности защищать права общественной организации. Представители ответчиков в судебное заседание не вызывались и не были уведомлены о дне проведения судебного заседания. Никаких попыток к уведомлению их о слушании дела не предпринималось»⁵³.

⁵² Калинина Ю. Указ. соч.

⁵³ Одна из деталей процессуального «закулисья» этого дела похожа на дурной анекдот. Когда написавший надзорную жалобу адвокат Ю. А. Костанов обратился к работникам прокуратуры, готовившим обращение в суд по данному делу, с вопросом, почему представители «вредоносных» организаций не были привлечены к участию в нем, он получил на него воистину удивительный по своей обезоруживающей откровенности и одновременно цинизму ответ: «Да где же мы их искать-то будем?»

Статьей 10 ГПК РФ установлено, что разбирательство дел во всех судах производится открыто. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях допускается также при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина. Предусмотренных законом оснований для рассмотрения дела о прекращении деятельности экстремистских организаций в закрытом судебном заседании в данном случае не усматривается. Никаких сведений, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну, в судебном заседании по настоящему делу не исследовалось и обжалуемое решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. не содержит. Исследованные в судебном заседании справки, имеющие гриф «секретно», о деятельности запрещенных обжалуемым решением организаций содержат сведения о деятельности этих организаций, неоднократно опубликованные в прессе (в частности, в сети Интернет), и потому как ставшие общеизвестными секретными признаны быть не могут.

Согласно ст. 195 и 198 ГПК РФ, решение суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным. В решении Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. в отношении «Партии исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») указано лишь то, что «данная организация имеет целью устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания “Всемирного исламского Халифата”, первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ. Основные формы деятельности: воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям; активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество (прежде всего пропагандистская с мощным финансовым подкреплением). В ряде государств Ближнего Востока и СНГ (Узбекистан) запрещена законом».

Никаких доказательств экстремистской деятельности данной организации в судебном заседании не представлено и не исследовалось. Как видно из текста решения, обстоятельства, упомянутые в ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», в качестве оснований для прекращения деятельности «Партии исламского освобождения» Верховным Судом РФ установлены не были. Упомянутые «справки» о деятельности организаций, которые признаны террористическими, в том числе «Партии исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), не содержат сведений о проведении этой организацией экстремистской деятельности на территории Российской Федерации (как, впрочем, и на территории других государств).

... В нарушение положений ст. 40 ГПК РФ дело в отношении разных ответчиков было необоснованно объединено в одно производство. Процессуальное соучастие в силу ст. 40 ГПК РФ допускается, если:

- предметом спора являются общие права и обязанности нескольких истцов или ответчиков;
- права и обязанности нескольких истцов или ответчиков имеют одно основание;
- предметом спора являются однородные права и обязанности.

Одинаковые права и обязанности – это не общие права и обязанности. Одинаковые основания прав – это не одно основание. «Оптовое» рассмотрение вопроса о прекращении деятельности разных организаций в рамках одного гражданского дела неминуемо приводит к ущемлению прав ответчиков.

Таким образом, решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. является незаконным, как принятое с существенными нарушениями норм процессуального (ст. 10, 12, 34, 38, 40, 195 и 198 ГПК РФ) и материального (ст. 7 и 9 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») права»⁵⁴. Стоит ли говорить о том, что основание к пересмотру этого удивительного решения в порядке надзора найдено не было.

В мае 2012 г. оппозиция, недовольная нарушениями избирательного законодательства в ходе выборов Президента РФ, на Чистопрудном бульваре Москвы проводила акцию протеста. Для ликвидации этой акции власти придумали совершенно изумительный ход. Была инспирирована жалоба неких «местных жителей». Они обратились в печально известный Басманный суд столицы с требованием «обязать префектуру Центрального административного округа и полицию принять меры по прекращению акции оппозиции на Чистопрудном бульваре, а также навести в округе чистоту и порядок». Представителей оппозиции к участию в деле привлекать, разумеется, было признано излишним. Дело было молниеносно разрешено, по существу, в считанные часы, и участникам акции, которые к делу привлечены не были, решением суда от 15 мая 2012 г. было предписано «покинуть территорию лагеря к полудню среды», т. е. 16 мая 2012 г.

Исполнено же это решение было досрочно. «Полиция Москвы рано утром 16 мая очистила Чистые пруды от оппозиционеров. ... В отделы внутренних дел было доставлено более 20 человек для принятия решения о привлечении к ответственности в соответствии с законом», – заявил представитель полиции⁵⁵.

Стоит ли говорить о том, что режим рассмотрения настоящего, как и изложенного перед этим дела, по существу, ничего общего не имел с нормальным порядком гражданского судопроизводства, а суд был, по существу, превращен в безгласный и бездушный придаток полицейской машины. И дальнейшие комментарии здесь вряд ли уместны.

Порядок получения и исследования объяснений юридически заинтересованных в исходе дела лиц

Регламентация в ГПК РФ порядка получения и исследования объяснений юридически заинтересованных в исходе дела лиц довольно скудна. В частности, в ч. 1 ст. 68 Кодекса сказано, что объяснения сторон и третьих лиц об известных им обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, подлежат проверке и оценке наряду с другими доказательствами. В случае если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны.

Объяснения лиц, участвующих в деле, суд может воспринимать в двух формах – устной и письменной. В письменной форме эти объяснения содержатся в исковом заявлении, возражении на иск, а иногда и в некоторых других процессуальных документах. Устные же объяснения лица, участвующие в деле, дают непосредственно в судебном заседании, причем именно с них начинается судебное следствие. Сначала заслушиваются объяснения истца и участвующего на его стороне третьего лица, после этого ответчика и участвующего на его стороне третьего лица, а затем слово для объяснений предоставляется другим лицам, если они участвуют в данном деле. Прокурор, представители государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, граждане, обратившиеся в суд за защитой прав и законных интересов других лиц, дают объяснения первыми. Лица, участвующие в деле, вправе задавать друг другу вопросы.

⁵⁴ См.: Боннер А. Т. Неисковые производства в гражданском процессе. М.: Проспект, 2011. С. 178–182.

⁵⁵ См.: Полиция Москвы рано утром очистила Чистые пруды от оппозиционеров // URL: <http://www.lentacom.ru/news/20205.html>.

Судьи вправе задавать вопросы лицам, участвующим в деле, в любой момент дачи ими объяснений.

Объяснения в письменной форме лиц, участвующих в деле, в случае их неявки, а также в некоторых других, предусмотренных законом случаях (ст. 62, 64 ГПК РФ) оглашаются председательствующим.

При рассмотрении и разрешении гражданских и арбитражных дел судам постоянно приходится сталкиваться с ситуациями, когда по одним и тем же обстоятельствам дела стороны сообщают прямо противоположную информацию. Такого рода типичная ситуация происходила и будет происходить, безотносительно к тому, согласится ли законодатель с предложениями отдельных ученых о необходимости закрепления в законе обязанности сторон говорить суду правду. Установление действительных обстоятельств дела в такого рода ситуации, разумеется, затруднено, но тем не менее по общему правилу возможно. Имея дело с противоречивыми объяснениями сторон, суд привлекает для разрешения дела иные доказательства.

Так, в средствах массовой информации широко освещался ставший предметом судебного разбирательства конфликт между певицей Аллой Пугачевой и банкиром Олегом Рафановичем. 6 сентября 2010 г. Дорогомиловский районный суд г. Москвы взыскал с ответчика в пользу певицы 4,7 млн долларов, и это решение вступило в законную силу, а на имущество банкира был наложен арест и были назначены торги.

Однако в финансовый конфликт между Пугачевой и Рафановичем неожиданно вмешался 81-летний пенсионер В. М. Козлов. Обратившись в Одинцовский районный суд Московской области, он потребовал снять арест с якобы принадлежащего ему дома жилой площадью 595 квадратных метров, двухуровневого гаража и 25 «золотых соток» земли в поселке Грибово. По утверждению истца, указанную недвижимость он приобрел у Рафановича за 25 млн руб. еще 17 февраля 2010 г. на основании договора, заключенного в простой письменной форме. 6 сентября 2010 г. договор был передан на регистрацию, однако в Госкомимуществе зарегистрирован не был. Отказывая в удовлетворении иска, суд, в сущности, признал Козлова подставным лицом. Суд исходил из того, что объяснения истца Козлова и заявленные им исковые требования находились в явном противоречии с обстоятельствами дела. В частности, суд не мог признать действительной сделку купли-продажи недвижимости, поскольку она не была зарегистрирована в установленном законом порядке (п. 1 ст. 165 ГК РФ). Кроме того, в конкретной ситуации суд не мог не учесть и того обстоятельства, что договор был передан на регистрацию без малого через семь месяцев после его «заключения»⁵⁶.

В тех случаях, когда для разрешения спора привлечь иные доказательства, кроме объяснений сторон, оказывается невозможным, суд прибегает к критической их оценке, руководствуясь в том числе здравым смыслом и своим собственным житейским опытом. В данном отношении интерес представляет дело, разрешенное мировым судьей одного из участков Наро-Фоминского района Московской области.

Гражданин предъявил иск к юридическому лицу в связи со следующими обстоятельствами. Он просил взыскать ущерб, причиненный принадлежащей ему автомашине «Вольво», поскольку работник АЗС ошибочно залил в бензобак его машины вместо 92-го бензина дизельное топливо. По указанной причине автомашина с трудом тронулась с места, а затем двигалась рывками, что потребовало обращения в ближайший автосервис. Там сразу выявили причину неисправности, оценив ремонт авто в 14 тыс. руб. Когда собственник пострадавшей машины сообщил об этом руководству юридического лица, то в добровольном возмещении вреда, причиненного его имуществу, было отказано.

⁵⁶ См.: *Тютюнник Т.* Пенсионер подал в суд на Аллу Пугачеву // Life News Online. 2011 г. 25 апр.; Пенсионер проиграл Пугачевой. Решением суда поставлена окончательная точка в этом конфликте // МК. 2011. 6 июля.

Из представленных истцом письменных доказательств причина неисправности автомашины и размер причиненного при этом вреда были очевидны и ответчиком не оспаривались. В то же время обстоятельства, вследствие которых дизельное топливо попало в бензобак, явились предметом спора.

В заявлении в суд и судебном заседании истец утверждал, что это произошло из-за ошибки заправщика.

Позиция же ответчика заключалась в следующем. В произошедшей ошибке виноват сам истец. Оплачивая бензин, он «промямлил что-то невразумительное», не проверил чек, который ему пробили, и, не глядя, передал его автозаправщику, а тот, в свою очередь, залил именно то топливо, которое было указано в чеке.

Разумеется, при разрешении этого дела мировой судья испытывал определенные трудности: с чьей позицией согласиться и, соответственно, удовлетворить или отклонить заявленное требование? Эти трудности, в частности, были связаны и с тем, что чека на оплаченный на заправке бензин не сохранилось.

В то же время очевидно, что объяснения ответчика не показались ему убедительными. В самом деле, если, называя необходимую ему марку бензина, истец произнес «нечто невразумительное», «промямлил», то сотрудники АЗС обязаны были уточнить у него, какую конкретно марку бензина он имеет в виду. Поведение работников ответчика, осуществивших отпуск бензина и заправку автомашины при условии, что необходимая покупателю марка бензина не была уточнена, вне сомнения, являлось упречным. Точное определение отпускаемой покупателю марки бензина (предмета договора) является его существенным условием (п. 1 ст. 432 ГК РФ). При этом также нужно иметь в виду специфику розничной купли-продажи бензина на АЗС. Ошибки при определении марки заправляемого в бак автомашины бензина совершенно недопустимы как в силу неблагоприятных для машины последствий заправки «чужой» маркой бензина, так и в связи с практической невозможностью в условиях АЗС откачать из бака ошибочно залитый в него «не тот» бензин.

С учетом конкретных обстоятельств дела законность и обоснованность решения мирового судьи об удовлетворении иска сомнений не вызывает⁵⁷.

В очень многих случаях в ходе рассмотрения гражданских и арбитражных дел выявляются весьма существенные противоречия в объяснениях сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц, между объяснениями этих лиц и показаниями свидетелей, а также между показаниями различных свидетелей. Встречаясь с существенными противоречиями в показаниях свидетелей, суд общей юрисдикции в отдельных случаях применяет правило, сформулированное в ч. 4 ст. 177 ГПК РФ. В соответствии с указанной нормой в случае необходимости суд может повторно допросить свидетелей для выяснения противоречий в их показаниях.

В то же время российским уголовно-процессуальным законодательством, а также гражданско-процессуальным законодательством некоторых зарубежных стран предусмотрен более эффективный процессуальный институт, направленный на устранение противоречий в показаниях и объяснениях участников процесса. Мы имеем в виду очную ставку.

Так, в соответствии со ст. 192 УПК РФ, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку. В ходе очной ставки допрашиваемым поочередно предлагается дать показания по тем обстоятельствам, для выяснения которых проводится очная ставка. После дачи показаний следователь может задавать вопросы каждому из допрашиваемых лиц. Лица, между которыми проводится очная ставка, могут с разрешения следователя задавать вопросы друг другу.

⁵⁷ См.: Судьям пришлось проверять бензин на слух // МК. 2011. 2 нояб.

В ходе очной ставки следователь вправе предъявить вещественные доказательства и документы. Возможно здесь и оглашение показаний допрашиваемых лиц, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, кино-съемки этих показаний.

Достаточно подробно порядок проведения очной ставки урегулирован и ст. 191 ГПК Беларуси. Этот порядок заключается в следующем.

Суд в судебном заседании может провести очную ставку между сторонами, иными имеющими непосредственный интерес в исходе дела лицами и свидетелями, в показаниях и объяснениях которых имеются существенные противоречия.

Если очная ставка проводится между лицами, которые были предупреждены об уголовной ответственности, судья напоминает этим лицам об этом.

Начиная очную ставку, суд выясняет, знают ли допрашиваемые друг друга и в каких отношениях находятся между собой. Затем допрашиваемым в установленной судом очередности предлагается дать показания (объяснения) по тем фактам, для выяснения которых проводится очная ставка. После дачи допрашиваемыми показаний (объяснений) суд может задать им вопросы. С разрешения суда участники очной ставки могут задавать вопросы друг другу. Поставить вопросы участникам очной ставки имеют право также юридически заинтересованные в исходе дела лица.

В протоколе судебного заседания показания (объяснения) допрашиваемых записываются в той очередности, в какой они давались. Думается, что нормами примерно указанного содержания следовало бы дополнить ГПК РФ и АПК РФ.

Признание стороны

До сих пор мы вели речь главным образом о таком виде объяснений сторон, как утверждения. Под ними понимаются сообщения стороны о фактах, в установлении которых она заинтересована. Однако в некоторых случаях суд сталкивается с другим видом объяснений сторон, которое в законодательстве и теории именуется признанием.

Как уже указывалось выше, признанием является подтверждение стороной фактов, которые выгодны не ей, а другой стороне, на которой лежит обязанность их доказывания. Признанию фактов как в уголовном, так и в гражданском процессе с незапамятных времен закон придавал особое правовое значение. В частности, в истории человечества были огромные отрезки времени, включая период феодализма, в ряде стран – период капитализма, а в нашей стране – советский и отчасти постсоветский периоды, когда признание рассматривалось в качестве желанной и безусловной «царицы доказательств». Например, обожали признание такие псевдосудебные учреждения, как суд святейшей инквизиции, советские «тройки» и «двойки» периода сталинских репрессий и т. д.

Признание подсудимого либо стороны в гражданском процессе рассматривалось в качестве совершеннейшего доказательства, обязательного для суда и не подлежащего переоценке. Оно освобождало стороны от дальнейшего доказывания признанных фактов и обязывало суд вынести решение, соответствующее признанию.

Например, ст. 1 гл. 2 ч. 2 Воинского устава Петра I 1716 г. гласила: «Когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальняго доказу не требует, понеже собственное признание есть лучшее свидетельство всего света»⁵⁸.

Взгляд на признание стороны как на лучшее доказательство, «царицу доказательств», основанный на теории формальных доказательств, в науке российского гражданского процессуального права подвергался серьезной критике как не имеющий ничего общего с принци-

⁵⁸ URL: www.adjutant.ru/regulations/1716-03.htm.

пами законности и объективной истины. Так, А. Ф. Клейнман по данному поводу писал: «В институте судебного признания находит свое выражение советский принцип состязательности: сторона признает определенные факты или определенные документы, а суд, сопоставляя признание с другими доказательствами, проверяет правильность признания. Таким образом, в судебном признании, как и в других институтах советского гражданского процесса, активность и инициатива сторон сочетаются с активностью и инициативой суда в целях обнаружения материальной истины и правильного разрешения дела в соответствии с задачами социалистического правосудия»⁵⁹.

Сходная позиция по поводу признания фактов была сформулирована В. К. Пучинским: «Основное требование, предъявляемое к признанию стороны, – необходимость его соответствия обстоятельствам дела – обязывает советский суд оценить признание факта, как всякое другое доказательство, по своему внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех собранных и исследованных материалов в их совокупности. Поэтому признание стороной определенного факта не приводит автоматически к немедленному освобождению другой стороны от обязанности доказывания. Для наступления этих правовых последствий необходимо принятие признания советским судом. Только при положительной оценке судом совершенного признания и полном отсутствии сомнений в его правильности и соответствии действительным взаимоотношениям сторон признанный факт становится бесспорным, а одним из процессуальных последствий будет освобождение другой стороны от обязанности представлений соответствующих доказательств. Конечно, суд при этом не выносит специальных постановлений, но если он убежден в соответствии признания обстоятельствам дела, то он не требует от стороны доказательств, не собирает их по собственной инициативе. И наоборот, признание не освобождает от бремени доказывания, если правильность его вызывает у суда сомнения, либо если признание отвергается судом как противоречащее другим имеющимся в его распоряжении данным»⁶⁰.

По поводу приведенных цитат могут возразить, что оба названных автора вели речь о положениях ГПК РСФСР 1923 г., а также о «советском социалистическом гражданском процессе», возлагавшем на суд обязанность во что бы то ни стало пытаться установить истину по делу. Нельзя не согласиться с тем, что и нормы гражданского процессуального права, и сама идеология гражданского процесса с советских времен во многом изменились. Однако принцип объективной истины, хотя и в несколько иных процессуальных формах, закреплён и в действующем ГПК РФ.

Вот что пишет в наши дни по этому поводу М. К. Треушников: «Часть 2 ст. 56 (ГПК РФ 2002 г. – А. Б.) фиксирует обязанность суда по отношению к предмету доказывания... В целях избежания перехода судопроизводства на принцип “формальной истины” закон закрепил правило восполнительной по отношению к сторонам деятельности суда: суд должен определить полный объем юридически значимых по делу фактов и вынести их на обсуждение, если стороны по незнанию закона или иным причинам на них не ссылаются. В этом случае суд обязывает сторону представить доказательства в подтверждение имеющего значение факта... Отсутствие в ст. 56 ГПК РФ ранее существовавшей нормы, в соответствии с которой суд не ограничивался при рассмотрении и разрешении гражданских дел доказательствами, представленными сторонами, а собирал их по своей инициативе, не означает, что современный гражданский процесс в России основывается на принципе “формальной истины” и суд не должен достигать объективной истины, т. е. верных суждений о фактических обстоятельствах по делу. Нельзя принять в качестве основы для процессуальной доказательственной деятельности лож-

⁵⁹ Клейнман А. Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе // Клейнман А. Ф. Избранные труды. Т. I. Краснодар, 2008. С. 170.

⁶⁰ Пучинский В. К. Признание стороны в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1955. С. 80–81.

ное утверждение, встречающееся в научных источниках, что в связи с проведенными изменениями гражданского процессуального права «суд не должен устанавливать истину по гражданским делам»⁶¹.

Л. А. Грось полагает, что формулировка ст. 12 ГПК РФ «подтверждает наличие в гражданском судопроизводстве принципа объективной истины, так как только на основании правильного установления фактов, имеющих значение для дела, возможно его правильное разрешение. Наличие принципа объективной истины в гражданском процессуальном праве подтверждает также содержание ч. 2 ст. 56, ст. 59, 148, 362 и др. ГПК РФ»⁶².

Э. М. Мурадян убеждена, что судебная истина – «принцип судебного права, существующий вопреки попыткам его противников доказать обратное...

Истина, о которой спорят в судебном процессе, определяет цель судебного состязания.

Судебная истина устанавливается только судом, осуществляющим правосудие по конкретному делу. Относится к конкретным лицам, определенной судебной ситуации, правонарушению или судебному спору. Устанавливается на основании проверенных судом при участии сторон фактов, обстоятельств, исследованных доказательств, а также основываясь на доказательствах или иных правовых презумпциях.

Истина – категория, не расторжимая с законностью и судебной справедливостью.

Установление истины допускается исключительно законными средствами.

В установлении истины вправе участвовать стороны, другие заинтересованные участники... процесса»⁶³.

Таким образом, вышеуказанные, а также и многие иные современные авторы считают, что принцип объективной истины хотя и в несколько иных формах, но закреплен и в действующем ГПК РФ. В нем отражена следующая позиция законодателя. Установление действительных обстоятельств гражданских дел является правом и обязанностью суда. Разумеется, в каких-то отдельных случаях в силу определенных причин (скажем, плохой подготовки дела к слушанию и поверхностного исследования обстоятельств гражданско-правового спора) суд может и не установить объективной истины. Однако здесь должен вступать в действие механизм процессуальных гарантий принципа объективной (судебной) истины. В типичной ситуации решение, не соответствующее действительным обстоятельствам дела, должно быть отменено.

Что же касается признания фактов, то позволим себе еще раз привести по данному поводу цитату из работы М. К. Треушникова: «Процессуальное значение признания фактов стороной должно оцениваться с точки зрения соответствия его действительности.

Теория доказательств и гражданский процессуальный закон не ставят в особое положение, по сравнению с другими доказательствами, объяснения стороны, содержащие признание: они должны быть исследованы и оценены в совокупности с другими доказательствами. Прямого знака равенства между признанием фактов и их истинностью закон не ставит.

Конечно, нельзя отрицать того, что признание фактов стороной облегчает процесс доказывания и достижения истины, снимает в отдельных случаях действие правил допустимости доказательств. Однако абсолютизировать признание нельзя.

Признание стороной фактов, говорится в ГПК РФ, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, для суда не является обязательным. Суд может считать признанный факт установленным, если у него нет сомнений в том, что признание соответ-

⁶¹ Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Жуйкова, М. К. Треушникова. М., 2007. С. 203–204.

⁶² Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный научно-практический / отв. ред. М. А. Вилкут. М., 2003. С. 39.

⁶³ Мурадян Э. М. Судебное право. СПб., 2007. С. 238.

ствует обстоятельствам дела и не совершено стороной под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения или с целью сокрытия истины»⁶⁴.

Законодатель исходит из презумпции, что признание стороны соответствует действительности. По указанной причине с признанием стороной факта или фактов ч. 2 ст. 68 ГПК РФ и ч. 3 ст. 70 АПК РФ связывают очень важные процессуальные последствия. По общему правилу, признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств.

В то же время презумпция соответствия действительности признания стороны, как и любая другая презумпция, опровержима. **В случае если у суда имеются основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд не принимает признание, о чем судом выносится определение. В этом случае данные обстоятельства подлежат доказыванию на общих основаниях (ч. 3 ст. 68 ГПК РФ, ч. 4 ст. 70 АПК РФ).**

В соответствии с ч. 2 ст. 68 ГПК РФ и ч. 3 ст. 70 АПК РФ признание стороной факта или фактов заносится в протокол судебного заседания. Признание, изложенное в письменном заявлении, приобщается к материалам дела.

Впрочем, не будем упрощать. Да, действительно, в соответствии с ч. 3 ст. 68 ГПК РФ и ч. 4 ст. 70 АПК РФ в случае, если у суда имеются основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд не принимает признание, о чем судом выносится определение. В этом случае данные обстоятельства подлежат доказыванию на общих основаниях.

В то же время нельзя не отметить следующего. К сожалению, вышеуказанные нормы нашими чрезвычайно перегруженными судьями судов общей юрисдикции и арбитражных судов очень часто применяются сугубо формально. Ведь любая возможность разрешить то или иное дело без исследования его обстоятельств по существу для судьи подобна манне небесной. Где уж тут проверять соответствие признания действительности.

Первоначально сформулировав изложенное в предыдущем абзаце в виде гипотезы, автор решил проверить себя и обратился для этого к справочным правовым системам. В частности, среди нескольких сотен тысяч судебных постановлений, включенных в «безразмерную» справочно-правовую систему «Гарант», нам удалось отыскать лишь два постановления судов общей юрисдикции⁶⁵ и восемь, причем преимущественно не самых «свежих», постановлений арбитражных судов⁶⁶, когда по тем или иным причинам суды не соглашались с признанием фактов. Кроме того, примерно в 50 судебных актах арбитражных судов имеются ссылки на ч. 4 ст. 70 АПК РФ как на некую абстрактную возможность, отвергаемую судом по обстоятельствам конкретного дела.

⁶⁴ Треушников М. К. Судебные доказательства. С. 188.

⁶⁵ См.: Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Пермского краевого суда от 21 сентября 2010 г. по делу № 33–8291; определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 12 декабря 2011 г. по делу № 33–40989 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶ См.: постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 апреля 2003 г. № Ф08–1253/03–472А; постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 16 августа 2004 г. № А55–2458/04–11; постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 октября 2006 г. № КА–А41/9703–06; постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 ноября 2006 г. № Ф08–5387/06–2253А; постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2007 г. № Ф09–4728/07–С1; постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 23 июля 2008 г. № А09–9159/06–21; постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 июня 2009 г. № А32–14165/2008–26/229; постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 10 октября 2011 г. № 08АП–6616/11 // СПС «Гарант».

Между тем в современных социальных и экономических условиях признание стороной факта или фактов далеко не всегда соответствует действительности. Недобросовестные граждане и юридические лица с помощью адвокатов и иных советников по правовым вопросам нередко выстраивают всевозможные схемы, важным звеном в которых порой является ложное признание фактов, не соответствующих действительности. Хуже того, бывает, что суд соглашается с ложным признанием факта или фактов, несмотря на то что они находятся в полном противоречии с другими доказательствами по делу.

Таким образом, следует констатировать существенные противоречия между положениями ч. 3 ст. 68 ГПК РФ и ч. 4 ст. 70 АПК РФ, а также теоретическими догматами, требующими проверять соответствие признанных стороной фактов действительности и реальной судебной и судебно-арбитражной практике.

На основании ч. 3.1 ст. 70 АПК обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований.

Но ведь признание – это недвусмысленное и четкое подтверждение стороной наличия соответствующих фактов. Думается, что пассивное неопризнание стороной определенных фактов не должно освобождать суд от обязанности проверки обстоятельств дела.

Анализируемая новелла в ряде случаев вряд ли будет способствовать достижению задач судопроизводства, сформулированных в ст. 2 АПК. Данную норму следовало бы дополнить правилом примерно следующего содержания:

«В случае неоспаривания стороной фактов, на которые ссылается другая сторона в качестве основания своих требований или возражения, арбитражный суд должен выяснять, признает ли на самом деле сторона не оспариваемые ею факты».

В ГПК РФ (ч. 2 ст. 68) исключены как требование подписания стороной устного признания, занесенного в протокол, так и необходимость вынесения специального определения для принятия признания факта.

Согласно АПК РФ (ч. 2 ст. 70), факт признания заносится судом в протокол и удостоверяется подписями сторон, а признание, изложенное в письменной форме, приобщается к материалам дела. Высший Арбитражный Суд РФ разъяснил, что выносить отдельное определение о принятии признанных стороной обстоятельств не требуется⁶⁷. В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» судам предписано делать указания на признание в мотивировочной части решения одновременно с выводами суда об установлении этих обстоятельств, если не имеется оснований, по которым принятие признания обстоятельств не допускается⁶⁸.

Различают признание судебное и внесудебное. Судебное признание адресовано суду. Оно может быть сделано в судебном заседании или в адресованных суду письменных объяснениях сторон. Внесудебное признание делается вне процесса. Оно имеет значение доказательственного факта по делу и, как любой доказательственный факт, подлежит доказыванию.

С внесудебным признанием, например, суды часто встречаются при разрешении дел об установлении отцовства, поскольку возможность установления отцовства закон связывает с наличием любых доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от конкретного лица (ст. 49 СК РФ).

⁶⁷ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения АПК РФ» // ВВАС РФ. 2004. № 10. С. 116.

⁶⁸ БВС РФ. 2004. № 2. С. 2.

Имеют ли доказательственное значение объяснения судебного представителя?

В ряде случаев в силу тех или иных обстоятельств объяснения от имени и в интересах юридически заинтересованного в исходе дела участника процесса дает его представитель. В частности, письменные объяснения от имени и в интересах лиц, участвующих в деле, чаще всего формулируют их представители – адвокаты или иные профессиональные юристы. Нередко в судебном заседании от имени юридически заинтересованных в исходе дела субъектов они же дают и устные объяснения.

Порой не обходится и без курьезов, когда судьи отказываются выслушивать такие объяснения, ссылаясь на то, что на дачу объяснений необходимо специальное полномочие, что, конечно же, не соответствует закону (ст. 53 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ).

Тем не менее вопрос о доказательственном значении объяснений представителей юридически заинтересованных в исходе дела участников процесса, по существу, является открытым. По не вполне понятным нам причинам в процессуальной литературе этот вопрос, в сущности, не обсуждался. Даже в специальном разделе фундаментальной и в целом превосходно написанной работы Б. С. Антимонова и С. Л. Герзона под объяснениями адвоката в судебном заседании почему-то понималось его выступление в прениях⁶⁹.

Можно предположить, что полное отсутствие в процессуальной литературе исследований обсуждаемого нами вопроса во многом связано со следующим. Чаще всего объяснения представителя заинтересованного в исходе дела лица имеют достаточно сложную структуру. Они могут включать в себя ссылки на нормы права и их анализ, возражения против доводов других лиц, участвующих в деле, и их представителей и т. д. Но, как правило, в них содержится и информация, имеющая доказательственное значение. Обычно в качестве источника своей информированности о том или ином факте представитель ссылается на своего доверителя. Поскольку в такой ситуации представитель очевидцем описываемых им событий не являлся, то речь идет о производных доказательствах.

Анализ судебной практики показывает следующее. В постановлениях судов первой и второй инстанций нередко ссылки на объяснения судебных представителей, которые правомерно рассматриваются в качестве одного из доказательств по делу. В этом отношении достаточно характерны, например, следующие пассажи судебных постановлений:

«...как видно из объяснений представителя истца в судебном заседании, Т. знал и был согласен в период его работы у ответчика с тем, что работа на должности ведущего специалиста является срочной...»

«Как видно из дела, следует из объяснений представителя ответчика, объяснений третьего лица, показаний свидетеля М., в апреле 2010 года в связи с подачей истцом заявления об увольнении ответчиком осуществлялся поиск работника на данную должность».

«Как видно из объяснений представителя истца, ответчик произвел истцу выплату в размере <...> руб.».

«Представитель ответчика данный факт отрицал (факт допуска истца к исполнению трудовых обязанностей. – А. Б.), указывая на то, что истцу выдавались разовые пропуска в дни, когда Б. приходила на собеседования. Также не представлено доказательств того, что истцу было предоставлено рабочее место.

⁶⁹ См.: Антимонов Б. С., Герзон С. Л. Адвокат в советском гражданском процессе. М., 1954. С. 112–131.

... Таким образом, довод кассационной жалобы о том, что истец была фактически допущена к работе, опровергается имеющимися в деле доказательствами, которым суд первой инстанции дал надлежащую оценку»⁷⁰.

В то же время вышестоящие суды правильно обращают внимание нижестоящих на то, что суд не может основывать свое решение исключительно на объяснениях стороны и ее представителя, если они не подкреплены иными доказательствами. В данном отношении характерно следующее указание судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда: «Из содержания обжалуемого решения видно, что выводы суда об обстоятельствах дела основаны исключительно на объяснениях ответчиков, П. и их представителей, ссылки на какие-либо доказательства, подтверждающие обстоятельства, на которые они ссылаются, в обжалуемом решении отсутствуют. В решении суда не приведены мотивы, по которым суд принял в качестве обоснования своих выводов указанные объяснения и отверг объяснения истца»⁷¹.

Глава 3. Показания свидетелей

Понятие показаний свидетеля

Показания свидетелей наряду с объяснениями сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц и письменными доказательствами являются одним из самых распространенных средств доказывания в гражданском процессе.

Следует подчеркнуть, что в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве определения понятия «свидетельские показания» не содержится. АПК РФ и ГПК РФ дают лишь определение понятия «свидетель».

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 69 ГПК РФ **свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела.** Не являются доказательствами сведения, сообщенные свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности. Аналогичным является содержание ч. 1 ст. 56 и ч. 4 ст. 88 АПК РФ.

В то же время понятие свидетельских показаний предлагается в процессуальной литературе. Так, К. С. Юдельсон под свидетельским показанием понимал «сведения, сообщаемые вызванным в суд лицом по поводу фактов, которые лежат в основании иска, или возражений против него, а также по поводу фактов, имеющих доказательственное значение для дела»⁷².

М. А. Гурвич вел речь о том, что показаниями являются сообщения свидетелей. В частности, он писал: «Свидетельскими показаниями называются сообщения свидетеля о фактах, сделанные в суде»⁷³.

В. В. Молчанов полагает, что показанием свидетеля является «устное сообщение юридически незаинтересованным лицом сведений об относимых к делу обстоятельствах, о которых оно осведомлено лично или из известных источников, полученных судом в установленном законом порядке»⁷⁴.

М. К. Треушников предлагает делить содержание показаний свидетелей на две части: общую и специальную.

⁷⁰ См.: определения Московского городского суда от: 16 февраля 2012 г. по делу № 33–4927; 12 августа 2011 г. по делу № 33–25021; 18 апреля 2011 г. по делу № 33–11393; 15 декабря 2011 г. по делу № 33–41679 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷¹ Определение Московского городского суда от 30 августа 2011 г. по делу № 33–27388 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷² Юдельсон К. С. Судебные доказательства в гражданском процессе. М., 1956. С. 165.

⁷³ Советский гражданский процесс / под ред. М. А. Гурвича // Гурвич М. А. Избранные труды. Краснодар, 2006. Т. II. С. 478.

⁷⁴ Молчанов В. В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 27.

К общей части относятся сведения о фактах, устанавливающих личность свидетеля, его отношение к сторонам и к делу.

К специальной части относятся сведения об искомых, доказательственных фактах по делу, т. е. собственно то, что имеет доказательственное значение⁷⁵.

М. А. Фокина разделяет свидетельские показания в зависимости от их содержания на три группы.

Сведения-информацию, как правило, дают свидетели, не знакомые со сложившимися взаимоотношениями и правоотношениями спорящих сторон. Такие показания характерны для очевидцев, случайно узнавших о тех или иных обстоятельствах.

Сведения, содержащие, кроме того, и определенные суждения. Такой тип показаний характерен для свидетелей, которые хорошо знакомы со сторонами либо с одной из них и знакомы с развитием спорных отношений. Нередко такие свидетели имеют фактическую заинтересованность в том или ином разрешении дела. Отделить рассуждения таких лиц от собственно доказательственной информации не всегда просто.

Показания сведущих свидетелей. Такой свидетель, например лечащий врач, в силу профессиональных, специальных знаний способен не только сообщить суду информацию фактического характера, но и сформулировать оценочные суждения. Сведущие свидетели по своей природе близки к специалистам⁷⁶.

В качестве свидетеля суд общей юрисдикции или арбитражный суд может вызвать любое лицо, отвечающее требованиям, сформулированным в ч. 1 и 2 ст. 69 ГПК РФ и ч. 1 ст. 56 и ч. 4 ст. 88 АПК РФ.

Исходя из указанных норм, толкуемых в системе с другими положениями ГПК РФ и АПК РФ, под «свидетельскими показаниями» следует понимать сообщения юридически не заинтересованных в исходе дела лица сделанные в установленной законом процессуальной форме. Таким образом, свидетель является источником доказательств, а свидетельские показания – средством доказывания, содержащим определенную информацию.

Нередко свидетели в силу тех или иных, порой случайных, обстоятельств являлись очевидцами определенных событий. Понятно, что такого рода свидетельства относятся к первоначальным доказательствам. Но свидетелем не запрещено быть и лицу, которое само соответствующих событий не наблюдало, но получило имеющую значения для дела информацию от другого конкретного лица или лиц. В теории таких свидетелей иногда называют послухами⁷⁷. Однако такой свидетель может получить интересующую суд информацию и из других источников. Например, в силу каких-то обстоятельств свидетель мог ознакомиться с содержанием интересующих суд документов, принять участие в осмотре сохранившихся или не сохранившихся к моменту рассмотрения дела предметов, имеющих значение вещественных доказательств и т. д.

В принципе, показания свидетелей-очевидцев являются предпочтительными. Как правило, они более подробны и содержательны. Здесь меньше возможностей для искажения информации по принципу «испорченного телефона».

В то же время сказанное не означает, что показания свидетелей-послухов во всех случаях следует рассматривать в качестве второсортных доказательств. Дело в том, что относи-

⁷⁵ См.: *Треушников М. К.* Судебные доказательства. С. 198.

⁷⁶ *Фокина М. А.* Свидетельские показания в состязательном гражданском судопроизводстве. Саратов, 1996. С. 60.

⁷⁷ Данный термин существовал еще в древнерусском судебном праве. Там под послухом понимался свидетель, обладающий «доброй славой», т. е. достойный доверия. Обычно им являлся лично свободный человек. Послух после целования креста свидетельствовал о том, что ему известно о деле. Очевидцем событий, составлявших предмет судебного разбирательства, послух не был (непосредственный свидетель-очевидец событий назывался видок – от слова «видеть»). Послух же говорил о том, что слышал о деле (отсюда и название послух). Поэтому так важна была его «добрая слава», т. е. репутация человека, вызывающего доверие.

тельно распространены ситуации, когда свидетель-очевидец под непосредственным восприятием определенных событий дает о них полную и правдивую информацию другим лицам. Когда же дело доходит до показаний такого свидетеля в суде, то под воздействием тех или иных факторов он может известную ему информацию пытаться утаить или исказить. В подобных ситуациях значение показаний свидетелей-послухов чрезвычайно велико. В определенных ситуациях они позволяют добиться от очевидца определенных событий дачи полных и правдивых показаний.

Порядок вызова свидетелей

Лицо, ходатайствующее о вызове свидетеля, обязано указать, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела, может подтвердить свидетель, и сообщить суду его имя, отчество, фамилию и место жительства.

Следует подчеркнуть, что суд вправе, но не обязан удовлетворять любое ходатайство о вызове свидетеля. Если обстоятельства, которые предполагается подтвердить или опровергнуть свидетельскими показаниями, не относятся к делу, либо если обстоятельства, имеющие значение для дела, в силу закона не подлежат установлению с использованием свидетельских показаний в связи с их недопустимостью, то в удовлетворении ходатайства судом должно быть отказано. На определение суда об отказе в вызове и допросе свидетеля не может быть подана частная жалоба, т. е. оно не подлежит самостоятельному обжалованию отдельно от судебного решения. Возражения относительно данного определения суда могут быть включены в апелляционную жалобу, представление прокурора (ст. 331 ГПК РФ). Фактом, наличие которого необходимо для образования окончательного юридического состава, влекущего возникновение гражданского процессуального отношения с участием свидетеля, является вынесение судом определения о его вызове в судебное заседание и допросе по обстоятельствам дела.

Суд вызывает свидетелей путем направления повестки. Правила их направления и вручения сформулированы в ст. 113–117 ГПК РФ, ст. 121–123 АПК РФ.

Суд общей юрисдикции, по общему правилу, не вправе по собственной инициативе привлекать в процесс свидетелей. Исключения составляют лишь прямо предусмотренные законом весьма немногочисленные случаи. Так, при рассмотрении и разрешении дел, возникающих из публичных правоотношений, суд может истребовать доказательства по своей инициативе, в том числе вызвать и допросить свидетелей в целях правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 249 ГПК РФ).

Обязанности и права свидетеля. Свидетельский иммунитет

Статьей 70 и ч. 3 и 4 ст. 69 ГПК РФ установлены обязанности и права свидетеля. Поскольку свидетель относится к лицам, содействующим осуществлению правосудия, то в его правовом статусе, вполне естественно, преобладают обязанности.

Лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано явиться в суд в назначенное время и дать правдивые показания. За дачу заведомо ложного показания и за отказ от дачи показаний по мотивам, не предусмотренным федеральным законом, свидетель несет ответственность, предусмотренную УК РФ.

Следует заметить, что с фактами, когда лицо совершенно недвусмысленно отказывается от дачи показаний, суду приходится сталкиваться сравнительно редко. Значительно более типична ситуация, когда в разных формах и под разными предложениями или без таковых лицо уклоняется от явки в суд и (или) от дачи показаний. Подобное поведение недобросовестных свидетелей под нормы положения ст. 308 УК РФ не подпадает.

Более совершенно в данном отношении уголовное и гражданское процессуальное законодательство Республики Казахстан. В соответствии с ч. 3 ст. 80 ГПК Казахстана и ст. 353 УК Республики Казахстан установлена уголовная ответственность не только за отказ, но и за уклонение от дачи показаний по основаниям, не предусмотренным законом.

В соответствии со ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Там же записано, что федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания.

В развитие приведенного конституционного положения в ч. 3 ст. 69 ГПК РФ записано, что не подлежит допросу в качестве свидетелей ряд категорий граждан.

В частности, к ним относятся представители по гражданскому делу или защитники по уголовному делу, делу об административном правонарушении – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя или защитника (п. 1 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ).

Данное ограничение гарантирует лицам, пользующимся юридической помощью, что сообщенные ими защитнику или представителю сведения не будут в дальнейшем использованы им во вред.

После принятия Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)”»⁷⁸ этот перечень дополнен медиаторами – независимыми физическими лицами, привлекаемыми сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора.

Несмотря на то что норма, содержащаяся в п. 1 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ, сформулирована как императивная, ее действительное содержание может быть выявлено лишь путем ее логического и систематического толкования. По одной из конкретных ситуаций сходная по содержанию с ней норма, содержащаяся в п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, была истолкована Конституционным Судом РФ. В частности, КС РФ разъяснил, что освобождение адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения, не исключает его право дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Невозможность допроса указанных лиц при их согласии дать показания, а также при согласии тех, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные адвокатом сведения, приводила бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажала бы само существо данного права⁷⁹. Думается, что ограничительное толкование закона, сформулированное КС РФ в соответствии с действительным смыслом нормы, содержащейся в п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, в соответствующих случаях может быть применено и по отношению к представителям по гражданским делам, не являющимся адвокатам, а также к медиаторам.

В соответствии с п. 2 и 3 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ не подлежат допросу в качестве свидетелей: – судьи, присяжные, народные или арбитражные заседатели о вопросах, возникавших в совещательной комнате в связи с обсуждением обстоятельств дела при вынесении решения суда или приговора;

⁷⁸ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4163.

⁷⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 21. Ст. 2060.

– священнослужители религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, об обстоятельствах, которые стали им известны из исповеди⁸⁰.

Диспозитивными по своему характеру являются положения, закрепленные в ч. 4 ст. 69 ГПК РФ. Они лишь позволяют отказаться от дачи свидетельских показаний:

- 1) гражданину против самого себя;
- 2) супругу против супруга, детям, в том числе усыновленным, против родителей, усыновителей, родителям, усыновителям против детей, в том числе усыновленных;
- 3) братьям, сестрам друг против друга, дедушке, бабушке против внуков и внукам против дедушки, бабушки;
- 4) депутатам законодательных органов в отношении сведений, ставших им известными в связи с исполнением депутатских полномочий;
- 5) Уполномоченному по правам человека в РФ в отношении сведений, ставших ему известными в связи с выполнением своих обязанностей.

Наличие изложенных выше положений, содержащихся в ст. 89 ГПК РФ, несколько ограничивает возможности суда и лиц, участвующих в деле, в отношении установления его действительных обстоятельств. Однако существование такого рода ограничений необходимо в связи с наличием соответствующих норм международного права, а также в силу соображений этического характера.

В то же время думается, что отдельные положения ст. 69 ГПК РФ, посвященные свидетельскому иммунитету, а также практика их применения требуют корректировки. В частности, вряд ли можно в современный период соглашаться с тезисом, содержащимся в одном из постановлений Верховного Суда РФ по конкретному делу: «Венчание в церкви, наличие совместных детей и ведение общего хозяйства не порождают супружеских отношений и не освобождают от обязанностей свидетеля»⁸¹.

Нравится это кому-то или не нравится, но фактический брак во всем мире, в том числе и в нашей стране, является все более распространенным явлением. Поэтому требование, чтобы фактические супруги свидетельствовали друг против друга вопреки их желанию, вряд ли соответствует действительному смыслу п. 2 ч. 4 ст. 69 ГПК РФ. Ведь по букве закона о супругах по зарегистрированному браку здесь речи не идет. Кроме того, дача свидетельских показаний вопреки воле фактического супруга находилась бы в явном противоречии с нормами морали.

Сходным образом процессуальный статус свидетеля определен ст. 56 и 88 АПК РФ. Свидетель обязан по вызову арбитражного суда явиться в суд. Он обязан сообщить арбитражному суду сведения по существу рассматриваемого дела, которые известны ему лично, и ответить на дополнительные вопросы арбитражного суда и лиц, участвующих в деле.

За дачу заведомо ложных показаний, а также за отказ от дачи показаний свидетель несет уголовную ответственность, о чем он предупреждается арбитражным судом и дает подписку.

Не подлежат допросу в качестве свидетелей в арбитражном процессе судьи и иные лица, участвующие в осуществлении правосудия, об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с участием в рассмотрении дела, представители по гражданскому и иному делу об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителей, а также лица, которые в силу психических недостатков не способны правильно понимать факты и давать о них показания.

⁸⁰ Несмотря на то что последняя из приведенных выше норм на практике применяется крайне редко, обращает на себя внимание ее подчеркнуто-ограничительный, антидемократический характер. Вероятно, в будущем законодательстве данную норму следовало бы сформулировать менее жестко и распространить ее на всех священнослужителей, в религиозных обрядах которых существует ритуал, аналогичный исповеди.

⁸¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 1995 года. М., 1996. С. 21.

Кроме того, не подлежат допросу в качестве свидетелей посредники, оказывающие содействие сторонам в урегулировании спора, в том числе медиаторы, об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением соответствующих обязанностей.

Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

Некоторые положения, которые касаются вызова для допроса в качестве свидетелей отдельных категорий должностных лиц и граждан, обладающих особым правовым статусом, закреплены не только в ГПК РФ и АПК РФ, но и в других нормативных актах.

Так, в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ»⁸² член Совета Федерации и депутат Государственной Думы не могут быть подвергнуты допросу без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания РФ.

Свидетель имеет право на возмещение расходов, связанных с вызовом в суд, и получение денежной компенсации в связи с потерей времени.

Специфика арбитражного процесса заключается, в частности, в том, что у арбитражного суда имеется больше возможностей по вызову свидетелей по собственной инициативе. Арбитражный суд по своей инициативе может вызвать в качестве свидетеля лицо, участвовавшее в составлении документа, исследуемого судом как письменное доказательство, либо в создании или изменении предмета, исследуемого судом как вещественное доказательство.

В арбитражном процессе преобладает письменное начало. Что касается протокола судебного заседания, то, к сожалению, этот процессуальный документ в арбитражном суде нередко носит краткий и в значительной мере формальный характер. Поэтому особенность способа фиксации показаний свидетеля в арбитражном процессе заключается в том, что по предложению суда свидетель может изложить показания, данные устно, в письменной форме.

Показания свидетеля, изложенные в письменной форме, приобщаются к материалам дела.

Допрос свидетеля является самостоятельным процессуальным действием, направленным на получение в судебном заседании от допрашиваемого в установленной процессуальным законом форме сведений о фактах, имеющих значение для дела. Важная особенность судебного допроса заключается в том, что в нем может принимать участие большое количество лиц. Это судья, стороны и третьи лица, их представители, прокурор, а также и некоторые другие участники процесса.

Несмотря на распространенность в гражданском процессе показаний свидетелей, посвященную им юридическую литературу чрезмерно богатой не назовешь. О показаниях свидетелей в гражданском процессе наряду с другими средствами доказывания более или менее подробно идет речь в работах К. С. Юдельсона, П. В. Логинова, А. Г. Коваленко и М. К. Треушников⁸³. Кроме того, данной проблематике были посвящены кандидатские диссертации П. В. Логинова и М. А. Фокиной⁸⁴ и докторская диссертация В. В. Молчанова. Последняя была опубликована также в виде монографии⁸⁵.

Что же касается показаний свидетелей в арбитражном процессе, то данная проблема, несмотря на ее теоретическую значимость и практическую важность, монографической раз-

⁸² СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3466.

⁸³ См.: Юдельсон К. С. Судебные доказательства в гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1956. С. 156–190; Логинов П. В. Свидетельские показания в советском гражданском процессе. Лекция. М., 1956. 35 с.; Коваленко А. Г. Исследование средств доказывания в гражданском судопроизводстве. Саратов, 1989. С. 45–55; Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2004. С. 171–187.

⁸⁴ См.: Логинов П. В. Свидетельские показания в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953; Фокина М. А. Свидетельские показания в системе средств доказывания в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1991.

⁸⁵ См.: Молчанов В. В. Свидетели и свидетельские показания в гражданском судопроизводстве. М.: Городец, 2010. 431 с.

работке в процессуальной литературе до сих пор подвергнута не была. Кроме небольших по объему разделов учебников и комментариев к АПК РФ, а также немногочисленных статей в юридических журналах практической направленности, здесь и сослаться, кажется, не на что. Причем в качестве наиболее фундаментальной, по крайней мере по объему публикации (приблизительно 2,5 п. л.) и охвату практического материала, можно указать статью профессора из г. Тулы А. П. Рыжакова. Статья носит не вполне традиционное название «Понятие и статус свидетеля в арбитражном процессе. Основанный на судебной практике комментарий к ст. 56 АПК РФ» и размещена в СПС «Гарант».

В связи с тем что в арбитражном процессе преобладает начало письменности, показания свидетелей в качестве средства доказывания используются там не столь часто, как в судах общей юрисдикции. Впрочем, встречаются и отдельные экономические споры, при разрешении которых показания свидетелей в связи с отсутствием либо пробелами или иными дефектами письменных доказательств приобретают первостепенное значение.

Так, ООО «Ю.КОМ» обратилось к ОАО «Сбербанк России» с иском о взыскании задолженности за выполненные работы. Решением арбитражного суда первой инстанции в иске было отказано. В апелляционной инстанции дело не рассматривалось. ФАС Центрального округа решение отменил и направил дело на новое рассмотрение. Главной причиной к этому послужило то обстоятельство, что арбитражный суд первой инстанции необоснованно не принял в качестве надлежащих доказательств показания свидетелей. Каких-либо двусторонних письменных документов о приеме-передаче результата работ, как это вытекает из содержания ст. 720 ГК РФ, стороны не составляли. В связи с этим чрезвычайное значение приобрели свидетельские показания работников Орловского отделения Сбербанка. Из них следовало, что обусловленные договором работы фактически были выполнены истцом и приняты ответчиком. При этом свидетелями визировались и передавались своему руководству для подписания составленные истцом акты выполненных работ. Следовательно, показания свидетелей были основным доказательством, подтверждающим выполнение работ и их сдачу, несмотря на то что приемка работ должна оформляться составленными обеими сторонами письменными документами. Важным обстоятельством признания доказательственной силы свидетельских показаний, несомненно, являлось и то, что в качестве свидетелей допрашивались работники ответчика, которые и объективно сообщили суду то, что было им известно об обстоятельствах дела⁸⁶.

Необходимо отметить, что вышестоящие арбитражные суды достаточно остро реагируют не только на необоснованное игнорирование показаний свидетелей, но и на нарушение нижестоящими судами правил о свидетельском иммунитете. Так, арбитражный суд кассационной инстанции, в частности, указал в своем постановлении по одному из дел следующее: «Апелляционный суд установил, что показания свидетеля Б. получены с существенным нарушением норм процессуального законодательства, поскольку в нарушение части 1 статьи 51 Конституции Российской Федерации, части 6 статьи 56 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации он не был предупрежден о том, что он не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников».

В связи с чем суд сделал обоснованный вывод о недопустимости указанных свидетельских показаний в качестве доказательств⁸⁷.

В плане предложений *de lege ferenda* следовало бы предусмотреть некоторое расширение свидетельского иммунитета в гражданском и арбитражном процессах, в частности для необходимости сохранения профессиональной тайны (врач, нотариус) либо когда освобождение лица от обязанности дачи свидетельских показаний может быть связано с определенными момен-

⁸⁶ Постановление ФАС Центрального округа по делу № А48–803/04–1 от 29 июля 2004 г. // URL: <http://www.lawmix.ru/centr/40891>.

⁸⁷ Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 1 августа 2008 г. № Ф04–4606/2008(8855-А03–41) // СПС «Гарант».

тами морального свойства. Так, по соображениям этического порядка следовало бы прямо записать в процессуальных кодексах о возможности отказа свидетельствовать против родственников, бывшего супруга, его ближайших родственников, а также против фактического супруга.

Близкие к этому правила, касающиеся свидетельского иммунитета, сформулированы, например, в ст. 206 ГПК Франции 1976 г. В соответствии с указанной нормой имеют право отказаться от дачи показаний родственники или свойственники по прямой линии какой-либо из сторон или ее супруг, даже когда брак с ним расторгнут⁸⁸.

Несмотря на то что в правовом статусе свидетеля преобладают обязанности, у него имеются и определенные права. В частности, свидетель имеет право на возмещение расходов, связанных с вызовом в суд, и на получение денежной компенсации в связи с потерей времени.

Свидетель имеет право быть допрошенным судом в месте своего пребывания, если он вследствие болезни, старости, инвалидности или других уважительных причин не в состоянии явиться по вызову суда. В данном отношении интерес представляет следующий случай из судебной практики.

Черкесский городской суд рассматривал спор Р. с Ш. о признании права собственности на билет лотереи «Спринт», на который выпал крупный выигрыш. По обстоятельствам дела суду необходимо было получить свидетельские показания распространителя билетов Т., проживавшей в г. Сочи. Ей несколько раз направлялись повестки, однако Т. в судебное заседание не являлась. Наконец, председательствующим по делу в адрес Т. было направлено обстоятельное письмо. В нем сообщалось о невозможности разрешения данного спора без заслушивания показаний данного свидетеля. В письме содержалась настоятельная просьба к Т. приехать в г. Черкесск и высказывались заверения об оплате стоимости проезда и иных расходов, связанных с выполнением обязанностей свидетеля.

В ответном письме Т. указала, что ей действительно известны обстоятельства, интересующие суд, и она охотно даст соответствующие показания. Однако в связи с состоянием здоровья и преклонным возрастом она не в состоянии прибыть в г. Черкесск. Из консультации адвоката ей известно, что свидетель может быть допрошен судом по месту своего жительства, если вследствие болезни, старости, инвалидности или других уважительных причин он не в состоянии явиться по вызову суда. Поэтому Т. просит суд, чтобы ей была предоставлена возможность дать показания в г. Сочи. Основанное на законе ходатайство свидетеля было удовлетворено, а в адрес районного суда по месту жительства Т. было направлено судебное поручение.

Порядок получения показаний свидетеля

Порядок допроса свидетелей в самом общем виде сформулирован в ст. 88 АПК. Значительно более подробно регламентирован ст. 163, 170, 176–180 ГПК РФ и заключается в следующем. Явившиеся свидетели удаляются из зала судебного заседания. Председательствующий должен принимать меры к тому, чтобы допрошенные свидетели не общались с недопрошенными свидетелями.

При отложении разбирательства дела суд вправе допросить явившихся свидетелей, если в судебном заседании присутствуют стороны. Вторичный вызов этих свидетелей в новое судебное заседание допускается только в случае необходимости.

До начала допроса свидетеля председательствующий устанавливает его личность, разъясняет ему права и обязанности свидетеля и предупреждает об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. У свидетеля берется подписка

⁸⁸ См.: Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / пер. В. Захватаева. Киев: Истина, 2004. С. 74.

о том, что ему разъяснены его обязанности и ответственность. Подписка приобщается к протоколу судебного заседания.

Одним из общепризнанных недостатков показаний свидетелей как доказательства является то обстоятельство, что на доброкачественность данного средства доказывания значительное влияние оказывает субъективный фактор. Так, по мнению германских юристов, показания свидетелей являются самыми ненадежными источниками информации, поскольку, даже если очевидец желает сообщить суду правдивые сведения, возможны заблуждения, обусловленные ошибками в восприятии и воссоздании устанавливаемых обстоятельств⁸⁹.

В сущности, эта же точка зрения излагается комментаторами ГПК Республики Казахстан. По их мнению, показания свидетеля об известных ему фактах всегда носят субъективный характер и нередко расходятся с объективной действительностью. Ошибки свидетелем могут допускаться в силу различных причин: возраста, культурного уровня и уровня образования, физических возможностей и пр. Поэтому суд при оценке показаний свидетеля должен учитывать указанные факторы, а также субъективное состояние допрашиваемого лица. При оценке показаний свидетеля также следует учитывать родственные, дружеские и другие отношения с лицами, участвующими в деле⁹⁰.

Судьи прекрасно понимают, что предупреждение об уголовной ответственности существенного превентивного значения в деле борьбы со лжесвидетельством не имеет. К тому же они не имеют возможности в рамках действующего законодательства самостоятельно возбудить дело по факту лжесвидетельства. В связи с этим суд, как правило, ограничивается критическим анализом показаний свидетелей, которые, с его точки зрения, являются недостоверными, а попросту сказать, лживыми.

⁸⁹ См.: *Arens P. Zivilprozessrecht*. München, 1978. S. 191; *Baumbach A. Zivilprozessordnung*. München, 1981. S. 833. Приводится по: *Елисеев Н. Г. Доказывание в гражданском процессе Федеративной Республики Германии: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 1985. С. 35.

⁹⁰ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Казахстан / под общ. ред. К. А. Мами. Астана, 2008. С. 282.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.